

Юрий Ермолаев

•
ЭКСПЕДИЦИЯ
НОМЕР ТРИ

•
БИЛЕТ

•
ОСТОРОЖНО,
ОКРАШЕНО!

•
ОСОБЫЙ
ПОДХОД

•
КАК ВОЛОДЯ
ПОДНИМАЛ
СВОЙ
АВТОРИТЕТ

•
ЕГО ТОВАРИЩ

•
СЛОМАННЫЙ
СТУЛ

РАССКАЗЫ

1 р. 50 к.

Пер. 1р. 00 к.

*Молодая
гвардия*

ПЕТИНЫ
КАНИКУЛЫ

•
ПЯТЬ ДНЕЙ

•
СТРИЖКА

•
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
АНДРЮШИ
ХОХОЛКОВА

•
ОПЫТНЫЙ
ТРЕНЕР

•
НАШ СПЕКТАКЛЬ

•
К. М. Я.

•
АБАЖУР

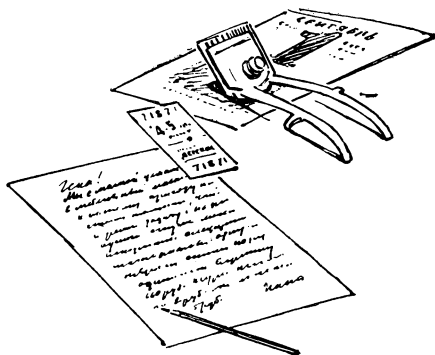
•
МАЛЕНЬКАЯ
РОЛЬ

•
БЕССТРАШНЫЙ
ПЛОВЕЦ

•
ТРУДНАЯ
МИНУТА

Юрий
Ермолаев

РАССКАЗЫ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1960

Оформление художника
В. Дольского

Экспедиция номер три

Жене Тюбикову невероятно повезло. Еще несколько дней назад он просто не знал, куда деть столько свободного времени, и либо играл с ребятами в футбол, либо вообще ничего не делал. Потому что заниматься чем-то обыкновенным, будничным, как, например, сажать на пришкольном участке деревца, Жене не хотелось, а необыкновенных дел в районном городке, где он жил, не случалось. Возможно, так и прошли бы у Жени все летние каникулы, если бы он совсем случайно не узнал об одной удивительной новости.

Дня три назад, когда скучающий Женя, размахивая сумкой, шел в магазин, его окликнул Володя Постников.

— Тюбик, стой! Ты в городском музее был?

— Заходил как-то еще зимою, — ответил Женя. — А что?

— Зимою! — присвистнул Володя. — Значит, ты ничего не видел!

Тут Володя подозрительно оглянулся по сторонам, потом притянул Женю к себе и, точно сообщая великую тайну, прошептал:

— Там появился позвонок ихтиозавра.

— Чей позвонок? — переспросил Женя и почувствовал, как по его спине пробежал колющий холодок.

— Их-ти-о-завра, — отдельно произнес Володя и добавил: — Я видел, как его выгружали. Свежий экспонат. Стотысячелетней давности. Пуда на два позвоночек. Его в Замойском ущелье откопали.

— Не может быть?!

— Что я, врать буду? — обиделся Володя. — Айда в музей!

— Вот убеждайся, — сказал Володя, когда мальчики вошли в одну из комнат музея и остановились перед экспонатом, похожим на огромный кусок мела.

— «Один из позвонков доисторического животного ихтиозавра. Обнаружен профессором Гардиным в нашей области, в Замойском ущелье», — прочитал Женя на дощечке, повешенной рядом с экспонатом.

— Ну, кто прав? — спросил Володя.

— Вот так история, — протянул Женя и схватил Володю за руку. — Бежим! Подберем ребят — и в это ущелье! А еще лучше вдвоем. Мы обязательно тоже что-нибудь откопаем.

— Что ты! Разве после ученых что найдешь? — усомнился Володя.

— Наверняка найдем. Вот увидишь, — решительно заявил Женя. — Профессор этот, наверное, старенький, уже плохо видит. Ну и пропустил что помельче.

— Небось у него ассистенты были, — возразил Володя и предложил: — Давай лучше у нас за огородом землю исследуем. Я прошлой осенью, знаешь, какой камень там обнаружил? Ярко-красный с оранжевым оттенком.

— Кирпич это, — усмехнулся Женя. — Вы же прошлой осенью печку перекладывали.

— А может... боксит?

— Скажешь тоже, — фыркнул Женя. — Ну откуда у нас в городе бокситу взяться? Глину на ремонт школы и ту откуда-то привозили. Нет уж, тут искать — только себя смешить.

— А вот почему у нас за огородом земля пухнет, словно дышать собирается? — не унимался Володя.

— Потому и пухнет, что раньше вокруг нашего города болота были. Знать надо! — Женя повернулся к экспонату и, ткнув в его сторону пальцем, продолжал: — А тут, пожалуйста, факт налицо. Чего тебе еще? Ну, говори, идешь в экспедицию?

— Я уже два раза ходил с тобой, и все без толку.

— Так разве это экспедиции были? Детская забава! В пяти шагах от дома. А что мы искали? Один раз затонувший плот, а в другой раз — бабке Катерине козу. А тут верная слава!

— И чего тебя все время из города тянет? — сокрушенно вздохнул Володя. — Мы еще здесь ничего не исследовали. Вот выясним, что с моим огородом творится, тогда пожалуйста...

— И не надейся! Я ждать не буду, — прервал его Женя и, уже выходя из музея, предупредил: — Смотри, не пожалей только.

В тот же день Женя уговорил пойти с ним в ущелье своего одноклассника Андрюшу Осокина.

— Я с удовольствием, — сказал Андрюша. — Вот только что с Вадиком делать? Мне поручили смотреть за ним.

Восьмилетний Вадик был младшим братом Андрюши. Женя подумал и согласился взять его с собой.

— Будет связным. В каждой экспедиции связные есть, — сказал он и, глядя на Вадика, строго добавил: — Только домашним ни слова. А то, чего доброго, еще не отпустят. Лучше пусть все из газет узнают. А пока оставим записку: «Уходим в поход. Не волнуйтесь. Будем писать». Вот и все.

На сборы ушел весь остаток дня. Утром, вооружившись тремя до блеска отточенными лопатами и рюкзаком с провизией, участники экспедиции вышли в путь. До Замойского ущелья было семнадцать километров. Больше

половины расстояния, как и наметили накануне, мальчики прошли за первый день. На ночь лег остановились в дачном поселке у дальних родственников Андрюши. У них решили устроить и базу экспедиции. Утром поднялись рано. Всем не терпелось: до деревни Васильки, где было ущелье, оставалось всего шесть километров.

— Жаль, что у нас нет рации, — поживаясь от утренней прохлады, сказал Женя, — тогда мы могли бы передавать сведения о ходе наших работ прямо в редакцию областной газеты.

— Пока что-нибудь не раскопаем, шуметь нечего, — возразил Андрюша.

Мальчики вышли к железнодорожной станции, обогнули большие клумбы с высокими пестрыми цветами и оказались на проселочной дороге. Женя достал из своей полевой сумки вычерченную им накануне карту маршрута и сделал какую-то пометку. Потом пошли дальше. Немного погодя сзади ребят послышался скрип колес. Они обернулись, увидели возницу с телегой.

— Может, попросим подвезти, чего зря силы терять? — спросил Женя.

— Резонно, — заметил Андрюша и остановился.

— А вдруг откажут? — заволновался Вадик.

— Дедушка, вы случайно не в Васильки едете? — спросил Женя.

Дед не расслышал и, натянув вожжи, остановил лошадь. Мальчики подбежали к телеге.

— Может, подвезете до Васильков?

Возчик посмотрел на связанные лопаты, рюкзак и сказал:

— А ну, занимай места!

— Вот за это спасибо! — устраиваясь поудобнее в телеге, заговорил Женя. — А то пришли бы мы усталые, пришлось бы отдыхать, а теперь прямо за работу.

— А вы куда идете? — спросил дед.

— Мы намерены... — начал было Женя, но Андрияша так сильно дернул его сзади за рукав, что он чуть не вывалился из телеги. — Мы решили... то есть собрались... вскопать вот его тетке грядки, а то старенькая она, нездоровая... — нехотя закончил Женя.

— И то дело! — улыбнулся возница.

Копыта лошади застучали по доскам маленького деревянного мостика, под которым бойко журчал не видимый в зарослях ручей.

— А волков здесь нет? — неожиданно спросил Вадик.

— Волков нет, — ответил возница. — Вот зайчат в этом ущелье сколько хочешь.

— Ущелье? — встрепнулся Женя. — А какое же это ущелье?

— Замойское.

— Так ведь оно в Васильках!

— Там самое начало, а здесь, можно сказать, его сердцевина, — объяснил дед. — Да, знаменитое это ущелье. Много о нем всяких историй рассказывают. Лет пять...

— Стойте! Остановите лошадь, — перебил его Женя. — Мы сойдем.

— Сидите! До Васильков еще пять километров.

— Нет, нет! — разом заговорили ребята, поняв Женю. — Мы сейчас сойдем. Нам нужно... Мы договорились здесь встретиться с товарищами.

Мальчики сняли свою поклажу и распрощались с дедом.

— Вот мы и у цели! — оглядевшись вокруг, каким-то странным голосом произнес Женя.

— Давайте отыщем место раскопок, — предложил Андрюша.

— Непременно, — одобрил его предложение Женя. — Пойдемте вниз по течению ручья. Мне кажется, что раскопки в этой стороне. Смотрите, как там переплелись деревья. Настоящие джунгли!

Все согласились и пошли в сторону, противоположную Василькам. Немного погодя кусты дикой вишни и орешника расступились, и прямо перед ребятами открылся огромный котлован.

— Напали! — торжественно произнес Женя. — Видите, какое у меня историческое чутье? Меня так и потянуло в эту сторону.

— Точно, — восхищенно сказал Вадик и зачем-то потрогал землю у своих ног. — Чуй теперь ихтиозавров.

— Давайте копать, — развязывая лопаты, предложил Женя.

— Пойдите. Сначала надо поесть, потом сделать шалаш, а то где же ночевать будем? — предусмотрительно заметил Андрей.

Мальчики собрали сухих веток и развели

костер. Вадик, вооружившись Андриюшиным перочинным ножиком, срезал две большие рогадки, воткнул их в землю и положил на них толстую палку. Вскоре над костром весело зашумел наполненный водой котелок. Андриюша распечатал банку сгущенного молока, нарезал хлеба. После еды принялись строить из еловых веток шалаш. За работой даже не заметили, как исчезло солнце и в лесу стало темнеть.

— Ляжем спать, — предложил Вадик, косясь на высокую лохматую ель, которая в сумерках стала удивительно похожа на сердитую седую старуху.

— Верно, — согласился Женя, почувствовав некоторую усталость, — выспимся как следует, а завтра чуть свет за дело.

Мальчики наломали еще немного веток, внесли их в шалаш и застелили брезентом. Получилась великолепная постель. Уснули ребята сразу и спали словно убитые. Только Вадик, повернувшись в середине ночи на другой бок, вдруг громко спросил:

— Папа, а ихтиозавры бодаются?

...Первым проснулся Андрей. Он собрал сухие сучья, развел костер и поставил кипятить чайник. Потом плеснул в лицо начальника экспедиции холодной водой и растолкал связаного. За завтраком наметили план действий. Прежде всего решили прощупать лопатами котлован и, если удастся что обнаружить, сбегать на почту и послать телеграмму Володе. В полдень исследование котлована было закончено. В верхних слоях почвы, насколько могла вонзиться лопата, кроме двух щепок и

старого разорванного сапога, ничего «доисторического» обнаружить не удалось. Всклывать котлован глубже, даже при всем желании, было невозможно. На это ушло бы не меньше месяца. Разведчики заметно приуныли.

— Давайте отдохнем, поедим и начнем исследовать ущелье, — сказал Женя. — Уж там наверняка что-нибудь обнаружим.

Уверенность Жени несколько подбодрила остальных участников экспедиции. Мальчики пообедали, и Женя с Андрюшей начали собираться в разведку.

— А ты останешься охранять провизию и имущество, — приказал Женя Вадик.

— Нет! Я лучше с вами пойду, — протестовал Вадик. — Я тоже опытный разведчик. В прошлом году мы в лагере проводили игру «Кто первый», так я всегда был «кто первым».

— Опытный разведчик прежде всего должен подчиняться дисциплине, — строго сказал Женя. — А если будешь спорить, мы убежим от тебя.

Это заявление сразу охладило Вадика. Оставшись один, он прежде всего закончил банку сгущенного молока, потом подумал и решил выстругать себе копье. Когда копье было готово, Вадик начал кидать его в воображаемых ихтиозавров, которые напали на их стоянку. Играть так было очень весело. Один воображаемый ихтиозавр укусил Вадика за плечо. Это ему показалось, когда он упал и ссадил себе плечо. Зато с другим ихтиозавром он разделался в несколько секунд. Играя, Вадик даже не заметил, как стал накрапывать дождь.

Только когда дождь разошелся, Вадик спрятался в шалаш. Поджидая ребят, он стал смотреть на лес, который то и дело вспыхивал голубовато-желтым светом молний и шумел, точно запруженная река. Но как раз в тот момент, когда Вадик так удобно устроился в шалаше, перед самым входом над его головой раздался такой страшный удар грома, что он опрометью выскочил из шалаша и пустился бежать.

— Стой! Куда ты? — вдруг услышал он окрики Жени и Андрюши.

Вадик остановился и громко заплакал.

— Перепугался? — стуча от холода зубами, проговорил Андрюша и оттащил брата под раскидистую ель.

Переждав дождь, мальчики высушили свою одежду и уже все вместе прошли еще немного вниз по ручью. Вдруг они остановились пораженные: ручей исчезал под землей.

— Вот где нужно рыть! — воскликнул Женья, указав на небольшой бугорок в конце ручья. — Я предчувствую, что этот ручей берет свое начало из третичного слоя земли, который относится к меловому периоду. В это время на земле и жили ихтиозавры. Вы только посмотрите на форму этого холма. Разве не ясно, что в нем находится доисторический скелет? А копать придется немного. Подземные воды всегда выносят останки древних животных близко к поверхности. Вот увидите.

Сраженные знаниями своего начальника, Андрюша и Вадик тотчас же согласились с ним, и все трое поспешили за лопатами.

— Куда ты их дел? — спросил Женя у Вадика, оглядывая котлован.

— Я не брал их. Они вот здесь лежали, — ответил Вадик.

— Так где ж они?

— Не... не знаю, — испугался Вадик и вдруг торопливо заговорил: — Здесь кто-то был, кто-то был! Смотрите, какие большие следы! И этой вот зарубки на дереве не было.

Ребята внимательно осмотрели следы, оставленные в глинистой почве котлована большими сапогами, и свежую зарубку на высокой сосне. Наступило молчание. Нарушил его Женя.

— Все ясно! За нами следят, — сказал он. — Очевидно, кроме нас, кто-то еще ведет поиски и боится, что мы опередим. Вот они и лишили нас орудий производства.

— А зачем они сделали пометки на деревьях? — спросил Вадик.

— Как зачем?! — воскликнул Женя. — Неужели непонятно? Они же хотят запугать нас. Намекнуть, что у них есть холодное оружие, чтобы мы не преследовали их.

— А вы знаете, кто ставит на деревьях такие пометки? — о чем-то думая, спросил Андрюша.

— Разбойники! — выпалил Вадик.

— Какие разбойники? Я думаю, может, это...

Андрей не договорил. Шагах в пяти от него раздался треск сучьев и зашевелились густые ветки орешника. Ребята замерли. Из кустов вышел хмурый, с большими усами человек.

За поясом у него торчал топор. Ребята невольно отступили. Незнакомец усмехнулся и сказал добродушным басом:

— Чего испугались? Не съем я вас, — и, взмахнув топором, сделал зарубку на новом дереве.

— Наверное, это он лопаты унес, — зашептал Женя.

— У такого усатого и не отберешь, — вздохнул Вадик.

— Чего это вы шепчетесь? — обернувшись, спросил незнакомец. — Усы вам мои не понравились, что ли?

— Нет... Почему же? — пропищал Вадик. — Усы хорошие.

Чувствуя, что незнакомец вот-вот уйдет, Андрей спросил:

— Это вы взяли наши лопаты?

Незнакомец остановился:

— Так это ваши? А я решил, что их колхозники оставили. Они тут глину для печей берут. Вон какой котел вырыли.

— А разве здесь не ученые рыли? — спросил Вадик.

— Какие ученые?

— Видите ли, — вышел вперед Женя, — у нас в городском музее есть экспонат: позвонок ихтиозавра, который обнаружил в этих местах профессор Гардин.

— Верно! — улыбнулся незнакомец. — Обнаружил. Только когда это было-то? Лет двадцать назад.

— Как двадцать? — ахнул Андрюша. — Этот экспонат привезли к нам всего с неделю.

— Так это потому, что наш совхозный музей сейчас на ремонте. Вот его временно к вам и откомандировали. — И, оглядев растерянные лица ребят, незнакомец добавил: — Вы уж верьте мне. Я всю жизнь здесь лесником работаю. И с профессором этим встречался. Он, почитай, целый год наше ущелье исследовал, всякими приборами землю проверял. А с одними лопатами тут разве что сделаешь? Так вы, значит, из райцентра?

— Оттуда, — буркнул Женя.

Лесник вдруг пристально оглядел ребят и спросил:

— Уж не со знаменитыми ли исследователями я говорю?

— А в чем дело? — польщенный таким обращением, важно спросил Женя.

— Интересноюсь, не о вас ли районная газета статью напечатала.

— А что в ней написали? — встрепнулся Вадик.

Лесник порывлся в карманах и протянул ребятам газету. Женя развернул ее и тут же, словно подкошенный, опустился на землю.

— Володька открытие сделал, — не своим голосом проговорил он. — Вот читайте.

Небольшая заметка, в которой говорилось, что шестиклассник Владимир Постников обнаружил на пустыре за своим домом залежи торфа, была для ребят такой неожиданностью, что в первую минуту никто не мог произнести ни слова.

— Эх, ты! — вдруг обрушился на Женю Андрюша. — Ничего как следует не выяснил,

а в экспедицию затащил. Столько времени зря потеряли.

Но Женя был так поражен неожиданной новостью, что на Андриюшины слова не обратил никакого внимания.

— А Володька-то и меня звал у них на огороде почву исследовать. Я, дурень, отказался, — проговорил он и с таким отчаянием посмотрел вокруг, что лесник, который уже собрался было уйти, остановился и сказал:

— Да вы не расстраивайтесь! Придет время, тоже что-нибудь откроете. А пользу принести и сейчас можно.

— Это как же? — удивились ребята.

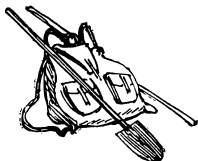
— Сходите в деревню, расспросите там старых людей об этом ущелье, а потом свои записи в музей отнесите. Там давно в них нуждаются.

— А ведь это верно! — обрадовался Женя. — Мы всю историю этого ущелья опишем.

— Нам надо того деда разыскать, который нас со станции вез, — вспомнил Андリュша. — Он сам говорил, что об ущелье много рассказать может.

— Значит, согласны? — спросил лесник.

— Согласны! — в один голос ответили мальчики. И в их глазах заблестели веселые искорки.

Тилет

В один из первых дней зимних каникул шестиклассник Сережа Чукашов, лучший хоккеист своего класса, стоял у витрины спортивного магазина и смотрел на выставленные за стеклом великолепные гаги.

Вдоволь налюбовавшись коньками, Сережа вошел в магазин и посмотрел на часы. Он сговорился встретиться здесь с отцом, чтобы вместе с ним купить коньки.

Но в магазин Сережа пришел немного раньше отца, так как решил до его прихода успеть выбрать себе гаги.

Сережа подошел к прилавку и увидел мальчика в лохматой шапке-ушанке, который, наклонившись, искал что-то на полу.

«Наверно, чек потерял», — подумал Сережа и спросил:

— Ты чего ищешь?

— Билет, — быстро ответил мальчик, с надеждой посмотрев на Сережу черными, точно угольки, глазами.

— Какой билет? — не понял Сережа.

— На поезд. Мне домой надо ехать, по железной дороге. У меня обратный билет, а я его потерял.

— Как же это так?.. — сочувственно произнес Сережа.

— Сам не знаю, — вздохнул мальчик. — Мне тетя утром, перед тем как на работу идти, билет отдала. Я его еще в карман спрятал, когда на вокзал поехал. А потом зашел перед поездом в этот магазин, решил маску купить. У нас завтра в школе елка. Да лучше бы не покупал. Теперь ни билета, ни денег.

— А ты к тете на работу сходи, — посоветовал Сережа.

— Я не знаю, где она работает. Может, ты у меня маску купишь? — неожиданно предложил мальчик.

— У меня всего сорок копеек. Да ты подожди! Скоро придет мой отец. Я у него попрошу, — сказал Сережа, увидев, что мальчик направился к выходу.

— Нельзя мне ждать, — обернувшись, ответил тот. — Поезд уйдет. Я и так уже один пропустил. Дома небось волнуются.

— А как же ты поедешь без билета? — поинтересовался Сережа.

— Как-нибудь, — мальчик безнадежно махнул рукой. — Может, на мое счастье контролеры не пойдут...

— А если пойдут? — спросил Сережа.

— Тогда расскажу все, как было, — горячо сказал мальчик. — Может, поверят. Дам честное слово: в другой раз поеду — два билета на себя куплю. Ну, я пошел, — и, кивнув Сереже головой так, что у лохматой шапки смешно затряслись поднятые вверх наушники, мальчик вышел из магазина.

Сережа посмотрел ему вслед и пошел к прилавку. Пока продавец занимался с другим покупателем, Сережа еще раз взглянул на витрину, чтобы спросить точно такие же коньки, какие были выставлены за ее стеклом. И тут около урны с мусором он заметил желтый кусочек картона. Сережа поднял его и увидел железнодорожный билет.

— Детский, — прочитал он и бросился на улицу.

Шел густой снег, и шагах в десяти уже ничего нельзя было различить. Только далеко впереди улицы сквозь снежное кружево проступал темный силуэт городского вокзала. Сережа вздохнул и побежал на вокзал. Когда он вошел на перрон, до отхода поезда оставалось всего пять минут. Искать мальчика в вагонах уже не было времени. Сережа растерялся. Подумав, он подошел к проводнице и спросил:

— В этом поезде будут билеты проверять?

— Обязательно, — улынувшись, ответила

проводница. — В третьем вагоне едет бригада контролеров.

Сережа побежал в третий вагон и сразу увидел сидящих на первой скамейке двух пожилых мужчин, одетых в железнодорожную форму.

— Скажите, пожалуйста, вы будете проверять билеты? — обратился к ним Сережа.

— Мы, — ответил один из контролеров.

— Тогда знаете что, — обрадовался Сережа. — Я принес вам билет, а вы, как встретите в вагоне мальчика без билета, считайте, этот билет его.

— Это еще что за новость? — строго спросил другой контролер.

— Это не новость! Это его билет, — заволновался Сережа. — Он потерял его в магазине, когда покупал там маску. У них завтра в школе елка...

В это время загудел паровоз, и Сережа, сунув билет контролерам, выскочил из вагона.

...На одном из перегонов между станциями в вагон, где сидел Валерик Авилов, тот самый мальчик, который потерял в магазине проездной билет, вошли два контролера. С разных концов вагона они начали проверять билеты.

Валерик так разволновался, что когда над его головой раздался голос: «Ваш билет», он ужасно покраснел и не мог сказать ни слова.

— Молодой человек, почему же вы молчите? — строго спросил контролер.

Вместо ответа Валерик еще ниже опустил голову с красными, горящими от стыда ушами.

— Может быть, ты скажешь нам тогда,

какого числа у вас в школе будет елка? —
подойдя к ним, неожиданно спросил другой
контролер, помолже.

— Завтра, — еле слышно ответил Валерик.

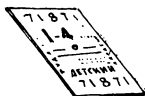
— Так! — сказал контролер и, многозна-
чительно посмотрев на своего товарища, снова
обратился к мальчику: — А скажи нам, по-
жалуйста, что ты покупал сегодня в магазине?

Ничего не понимая, Валерик молча показал
картонную маску.

— Ну, тогда все в порядке, — засмеялся
в усы пожилой контролер.

Он вынул из кармана билет, звонко пробил
его машинкой, подал Валерику и сказал:

— Вот он твой билет. Держи.

*Осторожно,
окрашено!*

Светло-желтая дворовая арка приближалась с невероятной быстротой. Павлик так разбежался, что, шмыгнув под нее, даже не заметил приклеенный к стене клочок бумаги с надписью: «Осторожно, окрашено!» И быть бы его новенькому синему пальто пегим и пятнистым, если бы не чей-то пронзительный крик:

— Стой! Не прислоняйся!

— Тише ты! — отскакивая от окрашенной стены, прошипел Павлик и с опаской высунулся наружу. — В подъезд вошла, — сказал он самому себе и облегченно вздохнул.

— Кто это? — поинтересовался тот же голос.

Павлик обернулся. Шагах в пяти от него с противоположной стороны арки, которая выходила во двор, стояла девочка примерно тех же лет, что и он.

— Как кто? Учительница, — пояснил Павлик.

— Так чего ты бежал от нее?

— Я сегодня уроки прогулял, а она — наша классная руководительница, — признался Павлик.

Опасность миновала, и Павлик снова чувствовал себя спокойно. Девочка усмехнулась и, зайдя за угол арки, стала покачивать детскую коляску со спящим в ней ребенком.

— Сестренка, что ли? — спросил Павлик.

— Нет, это мой племянник, — не без гордости ответила девочка.

— Тоже мне тетка! — фыркнул Павлик, направляясь к выходу.

Но тут как раз над их головами распахнулось окно, и в нем показалась чья-то седая голова. Павлик посмотрел вверх, да так и прилип к стене.

— Нина, иди обедать! — позвала женщина из окна.

— Сейчас, — отозвалась девочка и, обернувшись к Павлику, спросила: — Чего ты испугался?

— Это твоя мать?

— Нет, бабушка.

— Как думаешь, заметила она меня?

— Наверное, заметила. А что?

— Твоя бабушка — моя классная руководительница, — пояснил Павлик и поспешно добавил: — Слушай, если она будет спрашивать, ты скажи, что это был не я, а какой-нибудь другой мальчик. Ладно?

Нина усмехнулась точно так же, как в первый раз, когда узнала, что Павлик прогулял уроки, и, ничего не ответив, повезла коляску к подъезду.

— Смотри не проговорись! — задержал ее Павлик. — У меня, знаешь, как мама расстроится, если узнает? А у нее сердце...

— Ой! — вдруг всплеснула руками Нина. — Ты всю спину краской вымазал! Ведь говорила же тебе: окрашено.

Павлик побледнел.

— Что же мне делать? Это новое пальто. Только первый раз надел.

— У нас дома ацетон есть. Он какие хочешь пятна очищает. Пошли к нам.

— Ты что? — замахал руками Павлик. — А Мария Андреевна?

— Ах да, ты же прогульщик, — вспомнила Нина. — А у тебя сейчас кто дома?

— Никого. Мама на работу ушла, а отец в командировке.

— Так ты дай мне свой адрес. Я пообедаю, возьму ацетон и приду.

— Только ты уж не обмани, — попросил Павлик, назвав свою улицу и номер дома.

— Не бойся, приду, — пообещала Нина.

После ее ухода Павлик снял пальто и еще раз осмотрел его. Почти вся спина была в желто-бурых пятнах

«Разукрасился, точно леопард какой!» — вздохнул Павлик и, подумав, пошел домой задворками: вдруг встретишь кого-нибудь из соседей или знакомых — одних охов не оберешься.

Добрался Павлик благополучно. Но прошел час, полтора, а Нины все не было.

— Обманула, — окончательно расстроился Павлик. — Да еще, наверное, все бабушке рассказала. И зачем только я с ней разоткровенничался?

Павлик расстелил на обеденном столе пальто, взял столовый нож и принялся соскребать уже подсохшие комочки масляной краски. В передней позвонили.

— Наконец-то, — обрадовался он. — А я уж решил, что ты надула, — сказал Павлик, открыв Нине дверь.

— Никак не могла Борьку уложить. Увидел бабушку, разгулялся — и ни в какую, — объяснила Нина. — Дай мне чистую тряпку, ваты и теплой воды, — попросила она.

Павлик принес что требовалось.

— Бабушка тебя не заметила, — принимаясь за дело, сказала Нина. — А вот что ты завтра делать будешь? Ведь она обязательно записку от родителей потребует.

— А у меня один товарищ есть. Он в девятом классе учится. У него почерк, знаешь, какой взрослый? Он меня непременно выручит.

— Так ведь это же обман! — ужаснулась Нина.

Павлик развел руками:

— А что делать? Зато мама не узнает.

— Когда-нибудь все равно все выяснится.

— А может, и нет.

Нина пожала плечами и неожиданно сказала:

— А на меня вчера как бабушка рассердилась! Просто ужас!

— Это за что? — оживился Павлик.

— Мы с подругами решили в воскресенье в детский театр сходить на «Двух капитанов». Я деньги собрала, съездила и купила билеты. Только сама не знаю где, а потеряла я их. В метро они еще у меня были, и как я с трамвая на нашей остановке сошла, там их проверила. А пришла домой — нету. Может, выронила. Сама не знаю. Дома я разбила свою копилку, хотела на эти деньги новые билеты купить, да мало их. Пришлось все бабушке рассказать. Вот мне и досталось от нее.

— Дала она деньги-то? — спросил Павлик.

— Обещала. У нее завтра получка.

— Как же это ты? — посочувствовал Павлик.

— Да я в школу очень торопилась, вот все так и вышло нескладно, — ответила Нина. — А ты почему сегодня уроки пропустил, контрольной испугался?

— У нас не было контрольной. Просто захотел отдохнуть, вот и все. Я иногда так делаю. Чего в хорошую погоду зря в помещении сидеть, если тебя уже по всем предметам спросили?

— Ну вот, готово твое пальто, — сказала Нина. — Высохнет, и ничего не будет заметно.

— Спасибо, — от души поблагодарил Пав-

лик. — Я уж даже не знаю, что тебе за это сделать. Хочешь, перочинный ножик подарю?

— Не надо.

— Ну, папину самописку возьми. Он как придет, все равно ее мне подарит.

— Да ничего мне не надо, — отказалась Нина и стала прощаться.

Проводив Нину, Павлик повесил пальто на вешалку и, придиричиво осмотрев его, остался доволен. На месте пятен виднелись теперь чуть заметные темноватые круги. По словам Нины, они должны были испариться. Павлик зажег свет, и круги посветлели, словно подтаяли.

— Замечательно! — обрадовался он.

И так как идти гулять в новом пальто было еще нельзя, а в старом не хотелось, Павлик решил дочитать взятую из библиотеки книгу. Однако заняться чтением не пришлось. К нему пришел Федя Никифоров. Тот самый девятиклассник, у которого был такой замечательный взрослый почерк.

— И где ты только пропадаешь? — спросил Федя. — Вчера два раза к тебе заходил и сегодня тоже.

— Погода-то какая, — проговорил Павлик и, слегка покраснев, попросил: — Федь, пока мамы нет, написал бы мне записочку. Я сегодня в школе не был.

— Опять записочку? — покачал головой Федор. — Ты бы мне за них хоть подарил что. Вот самописку или перочинный ножик. Он у тебя, кажется, с шильцем?

Павлик нерешительно затоптался на месте.

— Самописка папина. А про ножичек мама каждый день спрашивает: не потерял ли?

— Ну ладно, это же я пошутил. Я, может, сам тебе подарок сделаю, — с этими словами Федор вынул из кармана и небрежно бросил на стол пачку театральных билетов со штампом «Два капитана».

Павлик вздрогнул и почувствовал, что ему стало жарко.

— Вот их сколько! — весело сказал Федор, перебирая билеты и не глядя на Павлика. — Ты собери сейчас своих дружков и скажи им, что в выходной в театр пойдем. Ну, несколько билетов лишних продать придется.

— А откуда они у тебя? — еле сдерживая волнение, спросил Павлик.

Федор оглянулся по сторонам, потом сказал:

— Понимаешь, иду я вчера по нашему переулку к телефонной будке. Хотел одному дружку позвонить. Зашел в будку и вдруг чувствую, наступил на что-то. Посмотрел, а это они, билеты в детский театр. Сверил их с афишей — все правильно: в выходной там «Два капитана» идут. Сначала я хотел эти билеты в кассу театра отвезти...

— А что ж не отвез?! — почти выкрикнул Павлик.

— Раздумал. Зачем отдавать, раз повезло. Ведь не украл же я их, а нашел. Значит, мое счастье... Вот и развлечемся. Билета по два продадим, а остальные себе оставим, — и, заметив испуганное лицо Павлика, успокаивающе добавил: — Да ты не волнуйся! Мы по той

же цене продадим. Я бы и сам все продал, да одному ехать скучно.

— А если бы ты знал, кто билеты потерял, отдал бы? — пересохшими от волнения губами проговорил Павлик.

— Знал бы, так отдал, — равнодушно сказал Федор.

— Тогда идем, — обрадовался Павлик. — Идем скорее, их одна девочка потеряла. Ей так от бабушки досталось...

— А может, это не те билеты? — вдруг обозлился Федор.

— Те! — горячо заговорил Павлик. — И театр тот же, и число, и пьеса...

— А сколько она билетов потеряла?

— Не знаю.

— Так ты сначала узнай, а потом и шуми, — сказал Федор и, положив билеты в карман, направился к двери.

— Это же нечестно! — схватив его за пиджак, запротестовал Павлик. — Знаешь, кто потерял, и не отдаешь.

— Нечестно? — переспросил Федор. — А мои записки учительнице носить — честно?

Павлик растерянно опустил руки. Федор почувствовал, что одержал победу, и уже в дверях бросил:

— Надумаешь, приходи!..

Минут пять Павлик сидел неподвижно. Потом спохватился, быстро накинул пальто и выскочил на улицу. Сначала он забежал за своим соседом по парте Костей Жариковым. Потом мальчики разделились: Павлик пошел к Леше Слепницкому, а Костя за Андрюшей Прони-

ным. Вскоре все четверо встретились в конце двора у старой водопроводной колонки. О чем они там говорили — неизвестно. Но разговор, по-видимому, был очень серьезный, потому что Павлик больше, чем обычно, размахивал руками, а это означало, что он сильно волнуется. Наконец, договорившись, мальчики побежали за Ниной.

— А бабушка еще дома, — открывая, предупредила Нина.

Павлик задержался в дверях:

— Ты очень нужна. Отпросись на час. Я тебя внизу подожду.

— Вот знакомься, мои одноклассники, — сказал Павлик, когда Нина вышла во двор. — Мы тебе сюрприз приготовили. Идем.

— Куда? Какой сюрприз? — удивилась Нина.

— Сейчас узнаешь, — многозначительно подмигнув товарищам, сказал Павлик и впереди всех зашагал по улице.

Федор был дома.

— Я знал, что ты придешь, — весело сказал он, пропуская Павлика и его друзей в комнату, но, увидев Нину, сразу подозрительно нахмурился и тихо спросил: — Это что за девочка?

— Моя знакомая, — громко объяснил Павлик. — Ты еще не знаешь, как она мне сегодня пальто вычистила. Вот попробуй-ка угадать, где на нем пятна были? — И, обернувшись к Нине, Павлик продолжал: — А это мой лучший друг — Федя Никифоров. С ним вчера

такая история приключилась, ты прямо не поверишь. Вышел он вечером на улицу, идет...

— Ну, это можно и не объяснять, — оборвал Федор.

— Почему же, пусть расскажет, — зашумели мальчишки. — Мы все знаем, а ей Павлик еще не говорил.

— Так вот, — продолжал Павлик, — подходит он, значит, к трамвайной остановке, где телефон-автомат, и решил кому-то позвонить. Зашел в будку, а там на полу какие-то бумажки лежат. Посмотрел, а это билеты в детский театр на «Двух капитанов».

— Не может быть?! — вскрикнула Нина.

— Да ты слушай. Взял Федя эти билеты и тут же сел на трамвай и в театр поехал. Хотел их в кассу сдать, да поздно: касса уже закрыта. Вот и пришел он сегодня ко мне и говорит: «Нашел билеты, а отвезти их времени нет. Может, ты это сделаешь?» Как он сказал мне об этом, я чуть до потолка не подпрыгнул. И про тебя вспомнил, что ты билеты потеряла. Вот мне Федор и велел срочно за тобой бежать.

— Еще хорошо, что такой человек их нашел, — чуть заметно подмигнув Павлику, сказал Костя Жариков. — А попадись они другому, мог бы и не вернуть.

— Вот уж спасибо-то вам, — сказала Нина, и на глазах ее сверкнули слезинки. — Большое спасибо!

Все это было для Феди такой неожиданностью, что он совершенно растерялся.

— Это верно, — стараясь взять себя в руки, засуетился он, — другой на моем месте продал

бы их давно, а я нет... Вон они у меня на комоде лежат... в неприкосновенности, — и, протянув Нине сложенные вместе билеты, добавил: — Смотри не теряй больше.

...Немного спустя Нина и Павлик, распрощавшись с остальными ребятами, шли по улице.

— Какой хороший этот Федя! И робкий... Даже смутился, когда мы все вместе пришли к нему, — оживленно говорила Нина. — А зачем ты столько ребят к нему позвал?

— Это... э... ну, чтобы больше эффекта было, — нашелся с ответом Павлик.

Нина улыбнулась и вдруг предложила:

— А знаешь, пойдем сейчас к нам, и ты расскажешь бабушке все, что случилось.

— Пойдем, — неожиданно согласился Павлик, а про себя подумал: «Ведь теперь все равно придется сознаваться, что прогулял уроки».

Часа через полтора Павлик вышел от Нины. Разгулявшийся ветер бросал по двору небольшой клочок бумаги с надписью: «Осторожно, окрашено!» Павлик догнал его, поднял и прикрепил на новое, еще не просохшее место.

— Пусть висит, чтобы другие не запачкались, — улыбнувшись, проговорил он.

**ОСТОРОЖНО,
ОКРАШЕНО!**

Особый подход

В тот самый вечер, с которого начинается рассказ, два семиклассника — Володя Горшков и Олег Сорин — сидели в районном Доме культуры во втором ряду партера и, щурясь от яркого света прожекторов, смотрели эстрадное представление.

Володя сидел как зачарованный, ни на секунду не отрываясь от сцены. Олег же не только следил за действием. Время от времени он искоса поглядывал на Володю и загадочно улыбался: ведь вот все зрители — и этот стри-

женный паренек и та девочка с голубым бантом — пришли на концерт, чтобы развлечься. А Олег был здесь совсем с другой целью. И даже Володя ничего не подозревал об этом.

Три дня назад в седьмом классе «Б», в котором учились Олег и Володя, состоялось собрание. На нем обсуждали плохую успеваемость Володи Горшкова.

— Ну куда это годится? — возмущалась староста класса Таня Овчинникова. — У Горшкова только по одной геометрии три двойки!

Поругав Володю, ребята поручили заниматься с ним Олегу Сорину.

— Олег хорошо учится и, кроме того, сам собирается стать учителем, — сказала в заключение Таня. — Никто лучше его и не объяснит Володе запущенный материал.

«Таня, конечно, права, — подумал Олег, — кроме меня, пожалуй, никто другой и не подгонит Володю. К нему особый подход нужен, человек он трудный. Мало ли что ему в голову взбредет? Вот сейчас молчит, а придешь к нему заниматься, может сказать: «А я тебя звал?» Соберет учебники — и гулять! Нет, с ним так просто занятия не начнешь. Его прежде заинтересовать надо, добиться, чтобы он сам захотел плохие отметки исправить.

Олег задумался. Легко сказать, чтобы сам захотел, а вот как это сделать? А что, если сходить с Володи в театр на такой спектакль, в котором выведен похожий на него ученик? Ведь вот посмотрел же он сам пьесу «Чудесный мальчик» и потом почти целую неделю аккуратно убирал свой письменный стол. Так

и с Володей может случиться: увидит себя на сцене и сразу за ум возьмется.

И Олег вот что придумал.

По дороге домой он не пропускал ни одной театральной афиши. Списывал телефоны театров, названия незнакомых спектаклей. А на одной из афиш вдруг прочитал: «Веселое эстрадное представление. Участвует осел-математик, решение задач, примеров и другие удивительные номера».

— Вот здорово! Осел и тот умеет задачки решать. Это выступление надо обязательно Володе посмотреть. Оно наверняка заставит его задуматься. — Олег чуть не подпрыгнул от радости.

На другой день в школе он сказал Володе:

— Сегодня приду к тебе в полпятого, смотри будь дома.

— Заниматься начнем, что ли? — поморщился Володя.

Олег отозвал его в сторону и заговорщицки прошептал:

— Мы вот как сделаем: ты выучи уроки без меня, а если что не поймешь, я в антрактах объясню.

— В каких антрактах?

— Да у меня два билета есть на концерт, — как можно небрежнее сказал Олег. — Пойдешь?

— Конечно! — обрадовался Володя. — Я люблю в театр ходить.

На вечерние представления Дома культуры, как и всюду, дети до шестнадцати лет не до-

пускались. Но Олег учел это обстоятельство. Дома они с Володей подложили себе в ботинки побольше бумаги, чтобы стать выше ростом, а вместо пионерских галстуков надели папины. В сумерках, которые окутывали вестибюль Дома культуры, их вполне можно было принять за совершеннолетних.

— Пройдем мимо той контролерши. Она старенькая. Если остановит — уговорим, — шепнул Володя. Он был ниже ростом и потому волновался больше.

— Не робей! — ободряюще сказал Олег и непринужденной походкой, слегка переваливаясь с ноги на ногу, направился к входным дверям.

Володя поспешил за ним. Подавая билеты, Олег сказал Володе:

— Завтра у нас на первом уроке, кажется, астрономия?

— Кажется, — краснея, подтвердил Володя. А про себя подивился находчивости Олега: ведь астрономию только десятиклассники изучают, а им как-никак меньше шестнадцати не бывает.

Однако контролерша, оглядев мальчиков, сказала:

— Вам, астрономы, скоро спать пора, а не концерт смотреть.

— Что мы, маленькие, что ли? — пожав плечами, пробасил Олег.

— Да уж и не больно велики, — покачала головой контролерша, но больше ничего не сказала.

— Прошли, — облегченно вздохнул Володя.

— А я и не сомневался, — стараясь казаться взрослым, громко произнес Олег.

В предвкушении номера, на который он возлагал большие надежды, Олег был в прекрасном настроении. Но перед началом второго отделения вышел артист и объявил, что осел-математик неожиданно заболел, а вместо него выступят канатоходцы братья Головачевы.

Канатоходцы имели у зрителей большой успех. Володе они тоже очень понравились. Мальчики даже в следующем антракте ходили в фойе по паркету только по коричневым плиточкам. А на другой день, когда Олег пришел к Володе заниматься, он обнаружил его в глубине двора в весьма странной позе: Володя, то и дело срываясь, балансировал с шестом в руках на толстой веревке, протянутой между двумя сараями.

— Подержи-ка веревку! А то она у меня из-под ног выскальзывает, — попросил он.

Олег натянул веревку изо всех сил, но Володя все равно не смог на ней удержаться.

— Эх, ты! — рассмеялся Олег. — И тут больше двойки не заслужил. А ну-ка, я попробую.

Часа через два приятели сделали некоторые успехи. Володя мог пройти по веревке уже четыре шага, а Олег три. Олегу это не понравилось.

— Я еще тебя обгоню! — распаляясь, кричал он.

Поздно вечером, когда во дворе неожидан-

но погас фонарь, хождение по веревке прекратилось. Прощаясь, Олег огорченно сказал:

— А все-таки это никуда не годится. Ведь мы даже за уроки не брались. Придется завтра как следует подналечь.

— Там видно будет, — хмурясь, пробурчал Володя.

Однако наутро он первый подбежал к Олегу и, потрясая какой-то потрепанной книжкой, сказал:

— Гляди, что я в нашей библиотеке раскопал. Одноактная комедия. Всего трое участвуют. Два ученика и фотокорреспондент... Приходи ко мне сегодня пораньше. Мы ее перед занятиями прочитаем, может, поставим у себя.

— Ладно, — сказал Олег, очень довольный тем, что Володя, наконец, сам вспомнил об их занятиях.

После уроков Олег забежал домой только пообедать и сразу к Володе. Пьеса оказалась очень смешной. В ней фотокорреспондент снял для Доски почета вместо отличника плохого ученика.

— Эту пьесу обязательно разучить надо, — сказал Олег. — Кому бы только роль фотокорреспондента дать?

— А что, если Тане Овчинниковой? У нее свой фотоаппарат есть, — вспомнил Володя.

— Верно! — подхватил Олег. — А если она откажется?

— Почему откажется? Роль хорошая. Да что гадать? Пошли к ней.

— А как же уроки? — заколебался Олег.

— Нам же одну физику задали. Успеем

еще. А уж повторять начнем с завтрашнего дня.

— Идем, — согласился Олег: ему тоже не терпелось рассказать Тане об их затее.

Но ребятам не повезло. Таня, по словам ее бабушки, была то ли в библиотеке, то ли у кого-то из подруг.

— Не рыскать же за ней по всему свету! — рассердился Володя. — Пошли лучше ко мне. У меня сейчас мама на работу уйдет. Никто нам не помешает. Делай что хочешь!

Вечер мальчики провели у Володи. Сначала они читали пьесу по ролям, сидя на диване, потом стали ходить по комнате с книгой в руках. Немного погодя Олег напомнил о занятиях, но Володя только отмахнулся:

— Давай лучше декорацию какую нужно установим, — предложил он, — и еще раз в декорациях порепетируем.

От такого заманчивого предложения Олег был не в силах отказаться. По его указанию на середину комнаты выдвинули платяной шкаф, рядом поставили диван, а в двух шагах от дивана этажерку с приемником. Словом, постарались все сделать так, как было указано в пьесе. После этого репетиция возобновилась с новой силой. Продолжалась она до тех пор, пока уставшие артисты не прилегли немного отдохнуть на диване. Так, крепко спящих, и застала их Володина мама, когда пришла с работы.

Наутро, по дороге в школу, Олег сказал:

— Давай перед уроками откажемся отвечать.

— Очень нужно, — возразил Володя. — Может, сегодня совсем спрашивать не будут.

Но Володя оказался плохим предсказателем. На первом же уроке учитель физики Иван Петрович вызвал его, а за ним и Олега.

Это было что-то ужасное! У Олега даже выступили на лбу капельки холодного пота. Ведь он молчал у доски первый раз в жизни. Дождавшись перемены, Олег хотел тут же убежать на другой этаж, чтобы никто из ребят не заговорил с ним, но в дверях ему преградила дорогу Таня.

— Что же это получается? — сердито сдвинув брови, спросила она. — Вместо того чтобы товарища подтянуть, еще и сам увяз. Интересно, что только вы в эти дни делали?

— На концерт ходили, а потом пьесу репетировали, — доложил Володя.

— Я серьезно спрашиваю, — нахмурившись, сказала Таня.

— А он серьезно и отвечает, — тоже рассердился Олег. — Мы на самом деле пьесу разучиваем.

— Какую пьесу?

— Одноактную комедию. Там и для тебя роль есть.

— Ну уж избавьте меня от этого, — сказала Таня, но тут же неожиданно спросила: — А эта комедия у вас с собой?

— А что? — подозрительно спросил Олег.

— Надо же мне прочитать ее?!

На следующей перемене Таня вернула мальчикам пьесу и сказала:

— Мне понравилось. По-моему, очень интересно.

Ребята весело переглянулись, и Олег, подмигнув Володе, спросил:

— Сможешь после уроков прийти к Володе репетировать?

— Хорошо, — согласилась Таня, — только я домой забегу... Мне кое-что нужно сделать.

Часа через два после школы Таня пришла к Володе.

— У вас что, ремонт? — спросила она, оглядывая комнату.

— Зачем ремонт? — засмеялся Володя. — Это мы, пока тебя ждали, декорацию установили.

— В декорациях, знаешь, как интересно репетировать? — добавил Олег и скомандовал: — По местам! Начинаем репетицию.

Сначала все шло хорошо. Мальчики ходили по комнате с переписанными в тетради ролями и громко читали текст, а Таня, дожидаясь своего выхода, сидела на подоконнике. Но как только дошло до сцены, в которой Олег поздравляет Володю с успешным окончанием учебного года и передает ему похвальную грамоту, Таня не выдержала и рассмеялась. Правда, она поспешно объяснила, что вспомнила какой-то удивительно смешной случай, но Володя все равно не поверил.

«Надо мной смеется, над моими двойками», — нахмурился он. Но тут же постарался принять безразличный вид и как ни в чем не бывало продолжал репетировать. Но вскоре его подстерег новый конфуз. По ходу сценки Во-

лодя должен был рассказывать своему другу о том, как прошел у него экзамен по географии. Он взял карандаш и, словно указкой, стал водить им по стене, воображая, будто на ней висит географическая карта. Тогда Таня быстро достала из своего портфеля карту двух полушарий и припилила ее к стене.

— Вы позаботились о декорации, а я захватила оформление, — сказала она.

Мальчики обрадовались. С картой комната ученика-отличника стала куда уютнее. Но, взглянув на карту, Володя тут же помрачнел.

«Немая, — пронеслось у него в голове. — Где же эти Гималайские горы находятся? Ведь мы их вроде проходили».

Володя скороговоркой пробормотал свой текст и, ткнув наобум карандашом, попал в Кольский полуостров.

— Вот так отличник! — сказала Таня и снова рассмеялась.

Тут уж Володя не выдержал, швырнул карандаш и сердито сказал:

— Не буду эту роль репетировать! Пусть ее Олег играет.

— Что ты, я не могу! — запротестовал Олег. — В пьесе сказано, отличник — невысокий юркий мальчик и волосы у него светлые. Вылитый ты!

— Где же вылитый, когда у меня двойки есть.

— Двойки исправить можно. А выше Олега ты до спектакля все равно не вырастешь, — уже серьезно сказала Таня и неожиданно до-

бавила: — А если говорить правду, так вы оба на эти роли не годитесь.

— Это почему же? — опешили мальчики.

— Да потому, что здесь такие ребята выведены, которые если что пообещают, так делают, а вы...

— Ну, это к пьесе не относится, — вспыхнул Олег.

— Нет, относится! — горячо возразила Таня. — Как же вы хороших учеников сыграете, когда сами не на высоте?

— Ты репетировать пришла или наставления читать? — грозно спросил Володя.

— Не буду я с вами репетировать! — вырвалось у Тани, и, вскочив с дивана, она выбежала из комнаты — только дверь хлопнула.

С минуту мальчики молча смотрели друг на друга изумленными глазами, потом Олег сказал:

— Зря мы ее позвали. Подумаешь, фотоаппарат есть. Да у Миши Стручкова даже отец фотограф.

— Чего выдумала: «не на высоте мы», — фыркнул Володя.

— Ну это, положим, мы и сами знаем. С двойками высоко не взлетишь, — вздохнул Олег и решительно заявил: — Вот что, разбираем декорацию и сейчас же садимся заниматься. А то до воскресенья можно еще двоек нахватать.

С этого вечера мальчики занимались каждый день. Наконец они исправили двойки по физике, а Володя даже написал на четверку,

контрольную по алгебре. Тут уж Олег не выдержал и, подойдя к Тане, сказал:

— Надеюсь, теперь ты убедилась, что мы умеем держать свое обещание?

— А я и раньше в этом не сомневалась, — лукаво прищурившись, ответила Таня. — Только ведь ты сам говорил, что к каждому человеку особый подход нужен. Вот я и применила его... к вам обоим.

— Особый подход! — вспыхнув, пробормотал Олег и уставился на Таню такими удивленными глазами, что она весело рассмеялась.

Как Володя поднимал свой авторитет

Эту историю мой друг Володя Шариков теперь всегда вспоминает с улыбкой. А вот когда она произошла, ему было совсем не до смеха.

Прошлым летом отдыхали мы с ним вместе на даче. Все было просто чудесно: речка рядом, в саду — фруктовые деревья и всякие ягоды. И хозяева попались хорошие: разрешили нам любые ягоды пробовать. Задумали мы им в благодарность водокачку построить, чтобы воду из речки можно было прямо на огород подавать.

И только мы начали строить эту водокачку, как к соседям на дачу приехала отдыхать Леночка Золотова и нарушила все наши планы. Это мы, конечно, после узнали ее имя. А сначала заметили только: приехала какая-то длинноногая девчонка и с первого же дня стала ходить около нашей изгороди и все пыталась с нами заговорить. Я сразу предупредил Володю:

— Смотри, — говорю, — не обращай на нее никакого внимания. Девчонка!.. Что с ней водиться!

Но разве Володька когда послушается!

Ушел я как-то без него на станцию в магазин. Вернулся — и прямо глазам не верю: сидит эта Леночка у нас в саду, и Володя объясняет ей устройство водокачки. Я сейчас же прервал этот разговор и, незаметно подмигнув Володе, сказал:

— Что же ты прохлаждаешься? Нам же грядки полоть надо!

Про грядки это я нарочно сказал, думал, что после этого Леночка сейчас же пойдет домой. А она осталась да еще и сказала:

— И я с вами полоть буду. Втроем скорее управимся.

Так и пришлось нам прополоть целую грядку. Правда, нас потом поблагодарил дядя Гриша, хозяин нашей дачи. Сказал, что такая помощь ему куда нужнее нашей водокачки. Но лучше бы он нас не благодарил, потому что с этого раза Леночка повадилась к нам ходить каждый день. Меня это очень злило, и я держался с ней сухо или строго официально. Но

Володя прямо поразил меня. Он стал посвящать ее во все наши тайны и даже рассказы-вал ей про себя то, чего никогда не было.

Роем мы однажды канаву для водокачки, а Володя и говорит:

— Помню, был у нас в классе такой случай: взялся один ученик сделать для нашей отрядной библиотеки полочку. А доски, которые он от завхоза получил, на самокат истратил. Вижу я, дела у него плохие, не из чего полочку-то делать, взял да и принес на другой день в школу свои доски. Остался после уроков и такую полку смастерил — все ребята ахнули!

Тут я тоже чуть не ахнул. Ну и ловко же он все перевернул! Ведь это как раз он доски на самокат извел, а полку за него Федя Сучков сделал.

А Володя посмотрел на меня, улыбнулся и как ни в чем не бывало продолжал:

— А еще был со мной и такой случай: проходили у нас в классе соревнования по прыжкам. Подходит моя очередь. Разбегаюсь я — и беру высоту метр десять. Прыгаю еще. Смотрим: метр двадцать. «Ну, Шариков, — говорит мне учитель, — возьмишь метр двадцать пять — и будешь чемпионом класса». И что бы ты думала? Прыгнул и взял... метр тридцать!

При этих Володькиных словах я чуть не окаменел на месте: ведь чемпион класса по прыжкам я!

Когда Леночка ушла, я не выдержал и сказал ему:

— Что же это ты мои рекорды присваиваешь?

А Володя мне вдруг и говорит:

— Хочу поднять свой авторитет.

Я никак не ожидал от Володи такого ответа и потому ничего сказать не нашелся, а только заметил:

— Ты все-таки много не придумывай, а то она может не поверить.

— Ладно, — говорит Володя, — я буду иногда воздерживаться.

А как только Леночка опять пришла, Володя рассказал ей новую небылицу. Будто он играл в какой-то школьной постановке пса Полкана и так вошел в роль, что даже после спектакля весь вечер ходил по саду и рычал на девочек.

Много еще всяких небылиц рассказывал про себя Володя, а Леночка слушала его и всему верила. Ну, прямо как замороженная. Авторитет Володи в ее глазах действительно сильно вырос. Я даже стал немного ему завидовать, потому что Леночка всегда спрашивала о чем-нибудь сначала его и я отвечал только в том случае, если Володя не знал.

Но как раз тут и случилось одно непредвиденное событие.

Как-то вечером прибегает Леночка к нам на террасу и говорит:

— Ой, мальчики, у меня такая новость... такая новость... вы просто не поверите.

— Уж не собираешься ли ты лететь на Северный полюс? — спросил Володя.

— Нет, не собираюсь, — ответила Леноч-

ка, кружась по террасе, — а только новость у меня все равно удивительная.

— Ну так говори скорее, — потребовали мы.

Леночка села на стул и, зажмурив глаза, сказала:

— Мальчики, я теперь буду учиться в вашей школе и, может быть, даже в вашем классе.

— Как в нашей школе? Почему? — побледнев, спросил Володя.

И тут выяснилось, что Леночкиному папе дали новую квартиру в том корпусе, который выстроился недалеко от нашего дома.

— Папе давно обещали квартиру в вашем районе, — сказала Леночка, — только я потому до сих пор ничего не говорила, что это было еще не совсем твердо, а теперь нам уже и ордер выдали.

Я в первую минуту не поверил Леночке, а потом вижу, что она не шутит, и, честно говоря, даже обрадовался.

«Хорошо, — думаю, — пусть учится с нами, ведь мы уже привыкли к ней». Поздравил я Леночку с новой квартирой. Оглянулся, а Володи нет. Искали мы его, искали, так и не нашли. Только когда Леночка ушла, вылез он из копны сена, которая в нашем саду стояла, и с ужасом спросил меня:

— Как ты думаешь, что теперь будет с моим авторитетом?

Я задумался.

До самых звезд обсуждали мы с Володией его положение. А потом решили так: во-пер-

вых, с завтрашнего утра я буду ежедневно тренировать Володю в прыжках; во-вторых, до начала занятий он сделает для нашей отрядной библиотеки уже не полочку, а целый шкафчик, да такой, чтобы все ребята, а с ними и Леночка действительно ахнули. И потом Володьке необходимо будет научиться лаять. Надо же поддержать свой авторитет!

Его товарищ

Свой первый сбор пионеры шестого «Б» называли «Утренник воспоминаний». Провести такой утренник предложил новичок Костя Губкин. Он сказал:

— Пусть каждый, кто хочет, расскажет на сборе какой-нибудь случай из своей жизни. Я такую историю знаю — заслушаетесь!

— И меня заслушаетесь, — тотчас вставил Алеша Плотников.

Утренник воспоминаний состоялся в субботу. Открывая его, председатель совета отряда Лида Майорова сказала:

— Ты, Костя, предложил — тебе и начинать.

— Я лучше после всех, — самодовольно улыбнулся Костя. — Боюсь, что после моего рассказа никого слушать не захочется.

— Давайте я начну, — вызвался Алеша и, пересев так, чтобы видеть всех ребят, стал рассказывать: — Этим летом я отдыхал на даче. Сначала я сильно приуныл, потому что рядом с нами поселились родители с пятью девочками. А разве в таком окружении хорошо отдохнешь! Но мне все-таки повезло. Вскоре на дачу, через одну от нашей, приехали три мальчика. Мы быстро подружились, стали играть в городки и кататься на моем велосипеде «Орленок». А недели через две решили взять шефство над старушкой, которая жила в конце нашей улицы. Мы пришли к ней и договорились каждое утро таскать для нее из колонки воду и раза два в месяц полоть грядки. Воду мы носили исправно, а вот грядки пропололи всего один раз и больше не стали.

— Это почему же? — спросила Лида.

— Потому наша работа оказалась ненужной! Ну, судите сами: пропололи мы ей грядку с клубникой. А она так расчувствовалась, что собрала с нее все ягоды и нас угостила. Вот и получилось, что старались мы зря. Так вот, — продолжал Алеша, — играем мы как-то перед нашей дачей в городки, вдруг прибегает Алик Фирсов и срывающимся от волнения голосом говорит: «У меня важное сообщение!»

Посмотрели мы на него, видим — не шутит. На носу у Алика комар кровь пьет, а он даже

не замечает этого. Бросили мы биты, присели на траву. Алик и сказал:

— Иду я сейчас мимо дачи Анны Арефьевны — это нашу подшефную старушку так звали, — только хотел за угол забора повернуть, как слышу чей-то голос:

«Ну и яблоня! Наверное, каждое яблоко полкилограмма весит!»

«Может, и больше! — подхватил другой голос и зашептал: — Давай, как стемнеет, сорвем несколько яблок». — «А вдруг поймают?» — «Некому. Тут одна старуха живет, я знаю». — «Все равно страшно». — «Ну, как хочешь, я и без тебя обойдусь».

Тут говорившие пошли навстречу Алику, он спрятался за сосну, а потом к нам прибежал. Рассказал все, что услышал, и предложил:

— Устроим сегодня у бабки в саду дежурство.

Мы тут же пошли к Анне Арефьевне. Выслушала она нас и сказала:

— Спасибо, что уведомили. Только дежурить вам ни к чему. Помогите мне лучше яблочки до вечера оборвать.

— Как оборвать? Ведь они еще не созрели! — запротестовал Алик. — Сами говорили: пепиновка в конце сентября поспевает.

— Мало ли что говорила, — вздохнула старушка, — а соберу и спокойно буду.

И как мы ни уговаривали Анну Арефьевну не рвать яблок, она так и не согласилась.

Сказали мы ей тогда, что придем помогать после обеда, и ушли сильно расстроенные: уж очень нам хотелось походить вечером в карау-

ле. Особенно переживал отказ Анны Арефьевны Алик. Домой он шел молча, всю дорогу хмурился, а у самой калитки высказал такую мысль:

— Оборвет Анна Арефьевна свои яблоки, ей и горя мало. А этот мальчишка может разозлиться, что его опередили, и в другой сад заберется. Вот и получится, что ее-то мы выручили, а еще кому-то навредили. Нет, нам обязательно нужно его в саду у Анны Арефьевны проучить.

— Зачем же он в сад попадет, если там яблок не будет? — удивился я. — Что он, слепой, что ли?

— А может, и попадет, — загадочно произнес Алик и тут же воскликнул: — Придумал, что надо сделать! И Анна Арефьевна возражать не будет. Вот увидите.

И он объяснил нам свой план.

Против Алькиного плана Анна Арефьевна действительно не возражала, и мы тотчас приступили к его осуществлению. Управились мы только к вечеру. Тут же предупредили Анну Арефьевну, чтоб она ни при каких обстоятельствах из дому не выходила, а сами в свой дзот спрятались. Мы этот дзот днем из веток построили. Сидим не шелохнемся. А на дворе уже совсем темно стало, на небе кое-где даже звезды показались. Смотрим, Анна Арефьевна свет в доме погасила. Ну, думаем, спать легла, вот здорово! Но потом оказалось, что свет она для того погасила, чтоб из окна сад лучше видеть. Просидели мы в бездействии еще полчаса. Как назло, из-за туч луна выкатилась. Тут

меня сразу сомнение взяло: вдруг, думаю, этот мальчишка передумал и ждем мы его напрасно. И такая во мне против него злость закипела, даже про себя так решил: «Если не придет, обязательно разыщу его завтра и отколочу. Зря мы, что ли, весь день старались?»

Только я это подумал, как Алик меня раз — локтем в бок. Посмотрел я в щель, то есть в амбразуру, и замер. На заборе что-то круглое заколыхалось, не иначе, как человеческая голова. И вдруг у этой головы сбоку какая-то палка выросла. У меня даже мурашки по спине пронеслись. Тут, на счастье, опять луна из облака вынырнула, весь забор сразу осветился, и, знаете, кто на нем был? Буржуй — кот Анны Арефьевны. Встал на заборе, спину баранкой выгнул и хвост трубой поднял. Я даже рассердился на него. Спрыгнул, наконец, кот с забора и прямо в дзот — почуял нас, что ли? Зашел и давай об мои ноги тереться и мурлыкать. А это днем кошачья музыка вроде тихая, потому кругом жизнь идет. А когда все тихо, так он прямо как громкоговоритель распелся.

— Прогони ты это животное! — зашипел на меня Алик. — Он нам все дело испортит.

Стал я гнать кота, а он не идет. Вцепился мне когтями в трусы — и ни в какую. Только я хотел его на руках из дзота вынести, как Алик меня снова в бок толкнул и палец ко рту приложил. Я посмотрел на забор, а на нем мальчишеская фигура выросла. Огляделась фигура по сторонам, спрыгнула в сад — и к яблоне. Тут мальчишка ухватился за ствол

и потряс его. Сильно потряс, но ни одно яблоко не упало.

— Значит, бабушка их все-таки не сорвала? — спросила Наташа.

— Значит, не сорвала, — ухмыльнулся Алеша и продолжал: — Перестал он тогда трясти яблоню, подпрыгнул и сорвал самое большое яблоко. Только вместо того, чтоб его за пазуху положить, вдруг помял в руках, разломил и даже ахнул от изумления. Потом вынул из его сердцевины что-то белое и только за вторым потянулся, Алик как мяукнет да как вытолкнет в амбразуру Буржуя. Мальчик с перепугу прямо к забору отскочил. Начал обратно перелезать, а руки не слушаются. Раза три срывался. Наконец подтянулся наверх и на ту сторону спрыгнул.

— Чего же вы его не хватали? Хватать надо было, — высказался кто-то из ребят.

— А вот и нет! — возразил Алеша. — Согласно Алькиному плану хватать его было незачем. Как только убежал этот мальчишка из сада, пошли мы к Анне Арефьевне и доложили: «Все в порядке: ни одного яблочка не тронул».

— Конечно, не тронул, когда вот они, — откинула Анна Арефьевна с сундука одеяло: а под ним яблоки в самом неприкосновенном виде лежат.

— Как же они там очутились? — охнула Лида.

— Эти мы еще днем сорвали, а на яблоне те оставили, что нам Анна Арефьевна за помощь подарила. И кроме того, мы еще под-

дельные развесили. Весь день их из бумаги да глины лепили. И в каждое яблоко записку клали.

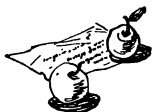
— А в записках они вот что написали, — неожиданно перебив Алешу, сказал Костя Губкин: — «Надеемся, что вкус этих яблок на всю жизнь отобьет у тебя охоту лазить по чужим садам». Верно?

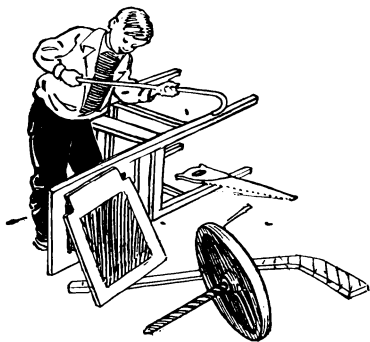
— Верно! — подхватил Алеша и уставился на Костю: — А ты откуда знаешь? Я об этом еще никому не говорил...

— А мне это и не надо. Я, может, сам хотел эту же историю рассказать.

— Эту же? — еще больше удивился Алеша и вдруг спросил: — Уж не ты ли был этот самый мальчишка?

— Нет, — сказал Костя и, потупившись, добавил: — Я его товарищ... Ну тот, который не отговорил этого...

Сломанный стул

В этот день Гена Кочкин расстроился не на шутку.

— Тоже мне нашли мастерицу! — возмущался он, вспоминая, как утром соседи по квартире хвалили его сестру Олю, которая вышила салфетку на столик для телевизора. — Да я, может, еще способнее? Мне только показать себя не на чем!

И вдруг Гене повезло. У них сломался стул, и мама велела отнести его в мастерскую.

«Я сам починю», — решил про себя Гена

и, как только взрослые ушли, принялся за ремонт стула.

И тут ему в голову пришла заманчивая мысль: нет, он не просто отремонтирует стул, а переделает его. Был, например, стул с квадратным сиденьем, а теперь станет с круглым!

«Тогда, пожалуй, даже папа признает меня настоящим мастером, — подумал Гена. — Вот только где взять фанеру на круг?»

Случайно Генин взгляд упал на стул-вертушку, который стоял около пианино. Не прошло и получаса, как круглое сиденье вертушки было прибито к стулу, а сама вертушка сделалась квадратной.

Теперь оставалось заменить у стула сломанную ножку. Для этого нужна была хорошая крепкая палка. Подходящих палок в распоряжении Гены оказалось несколько штук. Можно было использовать и хоккейную клюшку, и ручку от половой щетки, и старую папину трость. Гена выбрал трость. Она была крепче и, что самое главное, одного цвета со стулом.

Однако когда Гена отпилил от трости ручку, то обнаружил, что внутри трость пустая и в нее нельзя вбивать гвозди. Пришлось все-таки взять палку от щетки.

Наконец стул был готов. Гена осмотрел его со всех сторон и убедился, что весь вид портит как раз новая ножка: она торчала в сторону и выделялась своей белизной.

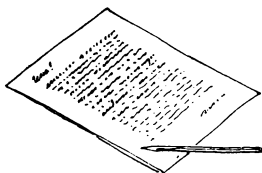
«Надо ее покрасить», — решил Гена и принялся искать на папином столе пузырек с желтой тушью. Но ее не оказалось, и Гене при-

шлось перекрасить весь стул в темно-коричневый цвет.

Наконец все было в порядке. Гена поставил стул на самое видное место, на середину комнаты, и ушел гулять.

Часа через два он вернулся. Дома по-прежнему никого не было. Но на столе лежала записка, и Гена очень обрадовался, узнав папин почерк.

«Мы с мамой уехали в мебельный магазин, — прочитал Гена. — К нашему возвращению поставь, пожалуйста, чайник и реши такую задачу: на ремонт одного стула мастер истратил следующие материалы: одну трость стоимостью 40 рублей, один стул-вертушку стоимостью 110 рублей, одну палку от половой щетки ценою в два рубля и извел три пузырька красок по два рубля двадцать копеек каждый. Спрашивается, сколько новых стульев можно купить на эти деньги, если один новый стул стоит тридцать пять рублей?»

Петин каникулы

На уроке географии шестиклассник Петя Носиков вдруг ощутил прилив такой бурной радости, что неожиданно для самого себя шелкнул по затылку сидящего впереди Сережу Астахова. Сережа тотчас обернулся. И хотя он постарался придать своему курносому лицу недовольное выражение, Петя все равно заметил в его глазах веселые искорки. Да разве можно было теперь сердиться? Ведь через каких-нибудь полчаса наступят зимние каникулы — двенадцать свободных дней — двести

восемьдесят восемь часов! И уж, будьте уверены, Петя сумеет использовать их так, что не только Сережа, а, пожалуй, и все одноклассники позавидуют ему.

Вчера вечером Петя даже завел для этой цели специальную тетрадь, на которой написал: «Каникулярный дневник». Это чтобы ничего не забыть и обо всем рассказать после товарищам. Ведь он же не собирается участвовать вместе со всеми в каких-то там походах или организованных экскурсиях? Нет! Планы у Пети совсем другие. Во-первых, он должен по очень важному делу побывать в цирке, а во-вторых... Но тут как раз зазвенел звонок. Петя быстро собрал книги в портфель, потоптался немного около учителя и, распрощавшись, бросился в раздевалку.

— Ты в какой маске на елку придешь? — окликнул его Сережа.

— Ни в какой! — отрезал Петя и, помянув Сережу к себе, таинственно прошептал: — Когда ты будешь танцевать на елке, я буду находиться на вершине Алмазной горы.

— Где? — не поняв, переспросил Сережа.

Петя сделал неопределенный жест и, присвистнув, выбежал на улицу.

И вот он уже на лестничной площадке перед своей квартирой. Сегодня Пете не хотелось, как обычно, нажимать кнопку звонка, и он забарабанил в дверь сразу всем, чем только сумел: портфелем, руками, одной ногой и даже плечом. Дверь тотчас открылась, и перед ним предстала незнакомая маленькая фигурка, закутанная в пушистый шерстяной платок. Петя

не успел ничего спросить, как в коридор вышла его мама и сказала:

— А у нас радость: приехала из Балахны тетя Тоня с Валериком. Тетя Тоня — в командировку, а Валерик — отдыхать на каникулы.

Однако мамино сообщение ничуть не обрадовало Петю. Наоборот, он даже заметно приуныл и, покосившись на Валерика, подумал: «Вот некстати явился. Теперь все мои планы сорваться могут».

А когда во время обеда Валерик заявил, что хочет на каникулах строить с Петей снежную крепость, а мама кивнула головой и стала рассказывать, куда Петя сводит Валерика и что ему покажет, Петя расстроился окончательно.

«Это что же получается? — подумал он. — Тетя будет весь день ходить по делам, мама — на фабрике, а я, значит, возись с этим карапузом... Он даже и на второклассника-то не похож!»

От таких мыслей у Пети сразу испортился аппетит. И даже любимые пирожки с капустой и луком не доставили ему обычного удовольствия.

«Нет, это совершенно невозможно, — возмутился про себя Петя. — Надо немедленно что-то придумать».

Покончив с обедом, он взял со стола какую-то книгу, сделал вид, что торопится, и вышел из дому. Раз шесть обошел он весь двор, но как увильнуть завтра от Валерика, так и не решил.

Досадуя на себя, Петя зашагал к подъезду. Как раз в это время во двор вошла Оля Аста-

хова — сестра Сережи. Оля жила в другом доме, и Петя спросил:

— Ты что у нас делаешь?

— Выполняю поручение совета дружины, — улыбнулась Оля. — Малышам билеты на елку разношу, в Дом пионеров.

— А на когда? — поинтересовался Петя.

— На завтра.

Петя сразу восторженно и, наступая на Олю, забормотал:

— Выручай! Дай один билет. Ко мне, понимаешь, двоюродный брат приехал из Балахны. Ему нужно до зарезу посмотреть эту самую елку.

— Пожалуйста, пусть посмотрит, — вежливо ответила Оля и, сняв варежку, вынула из нее маленький картонный квадратик.

Петя поблагодарил и, словно подхваченный ветром, помчался домой.

На следующее утро, проводив маму и тетю Тоню на работу, Петя накормил Валерика кексом с изюмом, и они отправились в Дом пионеров.

В вестибюле к Валерику подскочили две девочки с красными повязками на рукавах и, проверив билет, тотчас стали стягивать с него пальто. Потом одна из девочек вручила Валерику маску Черномора с длинной седой бородой и повела вверх. Петя хотел было пройти за ними и предупредить Валерика, что он уйдет, но другая девочка остановила его и строго сказала:

— Подождите, пожалуйста, здесь. Прово-

жающих мы наверх не пускаем. Представление закончится часа через два, и тогда вы можете взять своего ребенка. — И, оставив Петю, девочка занялась новым гостем.

Петя посмотрел на мирно беседующих в вестибюле мам и бабушек, которые ждали своих ребят, и тяжело вздохнул.

— Ну, я, кажется, уже совсем в няньку превратился, — проворчал он.

Но тут в вестибюль зачем-то выбежала Оля. Петя подошел к ней и сказал:

— Валерик уже наверху. Он в маске Черномора. Ты не смогла бы после утренника взять его ненадолго к себе, а то мне надо уйти, а я боюсь, что не успею вернуться.

— Хорошо, — согласилась Оля. — А ты поторопись, ваши уже собрались. — Это Оля сказала о Петиных одноклассниках, которые проводили сегодня лыжные соревнования. Но Петя меньше всего думал об этом. Он отдал Оле номерок от Валеркиного пальто и, выбежав из Дома пионеров, сел в трамвай. Несколько минут спустя он уже выходил у городского цирка. Прямо в глаза бросилась огромная, чуть ли не во всю стену, афиша. На ней был изображен человек в расшитом золотом мундире. В правой руке он держал маленькую палочку, а левой гладил тигра. Знаменитый дрессировщик хищных зверей! Вот к кому спешил сейчас Петя!

«Не уйду от него до тех пор, пока не согласится взять меня на время каникул к себе в помощники», — рассматривая афишу, решил Петя.

Раньше он хотел только узнать, что надо делать, чтобы выучиться на дрессировщика. Но теперь живо представил себе, как удивятся товарищи, если вдруг увидят его в клетке с тигром, и рассмеялся. Девочки, наверное, завизжат, закроют от страха глаза, а некоторые, может, даже упадут в обморок. А мальчики останутся на второе представление, чтобы еще раз убедиться, что они не ошиблись и это действительно был их одноклассник Петр Носиков. А потом, уже в школе, Петя выступит на дружинном сборе и расскажет всем о том, что он чувствовал, когда находился в одной клетке с хищниками.

Полный решимости, Петя отыскал дверь, над которой висела табличка с надписью «Служебный вход», и, открыв ее, очутился в длинном коридоре, освещенном маленькими синими лампочками. Только на столике, который стоял рядом с дверью, горела обыкновенная белая лампочка. Наверное, здесь сидел дежурный вахтер, который сейчас куда-то вышел.

Прошмыгнув мимо столика, Петя быстро двинулся по коридору. В конце коридор разделялся надвое, и Петя свернул налево, откуда слышались чьи-то голоса. По обе стороны коридора шли закрытые двери. Петя подумал и постучался в самую крайнюю. Дверь медленно приоткрылась, и из нее показался чей-то темный, заросший шерстью нос, потом высулась вся голова, и Петя увидел большого бурого медведя. Медведь тоже увидел Петю и стал медленно подниматься на задние лапы.

— Караул! Загрызли! — отскочив в сторону и споткнувшись, закричал Петя.

В комнате сейчас же раздался чей-то повелительный голос, медведь нехотя отошел от двери, а в коридор вышел тот самый дрессировщик, которого искал Петя.

— Ты что кричишь? Кого тебе нужно? — спросил он.

— Ва-ас... ну-у-жно... — прерывающимся от испуга голосом проговорил Петя.

— Меня? — удивился артист. — Ну так входи.

Петя покосился на дверь и спросил:

— А разве здесь... нельзя?

— Я тороплюсь, скоро начнется представление. А медвежонка ты не бойся, он не тронет.

— Да я и не боюсь, — пытаюсь улыбнуться, сказал Петя. — У меня только... валенки... грязные...

— Ничего, заходи, — любезно пригласил дрессировщик.

Петя нехотя вошел в комнату и встал у двери.

— Так о чем же ты хочешь поговорить со мной? — спросил дрессировщик, садясь перед огромным зеркалом.

— Мне хочется научиться дрессировать тигров, чтобы вот как вы... Ой! — вскрикнул вдруг Петя и попятился: он увидел, что медведь снова зашевелился.

— Нянька, лежать! — приказал артист и, сдерживая улыбку, спросил Петю: — Значит, хочешь быть дрессировщиком? А ты не боишься, что тигры могут наброситься на тебя?

— Так ведь вы расскажете мне, как их приручить... может, даже...

— Ну что ж, — согласился артист, и Петя от радости чуть не шагнул в сторону медведя, но вовремя удержался. — Рассказать, конечно, можно. Но только не теперь. В каникулы я очень занят. Мы играем два представления в день. А кроме того, я обещал побывать в нескольких школах. Так что зайди ко мне лучше после каникул. — И артист протянул Пете руку.

В таких случаях ничего, конечно, не остается, как пожать руку и сказать «до свидания». Петя так и сделал.

Из цирка он пошел за Валериком пешком. Торопиться теперь было некуда, да и не хотелось. Очевидно, у Пети был очень хмурый и недовольный вид, потому что Оля, посмотрев на него, даже не стала ни о чем спрашивать: и так было ясно, что на лыжных соревнованиях он не отличился.

Но зато Валерик не заметил ничего. Он весь был еще под впечатлением новогоднего праздника и по дороге домой болтал без умолку. Он рассказал Пете, как изображал страшного дядьку Черномора, как ему дали зажечь бенгальский огонь и как он выиграл картонную шапочку, потому что отгадал загадку про салют. Когда все новости были пересказаны, Валерик немного помолчал, а потом, собравшись с духом, выпалил:

— Ты, Петя, только не сердись, но завтра и даже послезавтра я не смогу строить с тобой снежную крепость: наавтра меня пригласил

к себе Юрик из второго «Б», а послезавтра Оля обещала взять меня со своим классом в типографию. Мы будем смотреть, как печатают книги.

В ответ Петя радостно хлопнул Валерика по плечу. Вот это действительно повезло! Оказывается, Валерка совсем не такой уж надоедливый! Петя даже признался ему:

— А у меня, брат, в эти дни как раз тоже есть одно дело, так что не беспокойся.

Придя домой, Петя достал свой «Каникулярный дневник» и записал: «Завтра ровно в двенадцать ноль-ноль я должен подняться на Алмазную гору и совершить спуск с Запретного склона».

Утром, натренировав Валерика отпирать и запирасть тяжелый висячий замок, Петя отдал ему ключи от комнаты, взял лыжи и в половине двенадцатого вышел со двора. Он прошел немного по шоссе, потом свернул в сторону маминой фабрики и заскользил по уже проложенной кем-то лыжне. Вскоре Петя вышел на окраину города и очутился на краю поля. Впереди поднималась большая, словно вылитая из сахара, гора. Эта гора называлась Гольцовским перевалом. Сразу за ней был поселок Гольцовка. Но Петя прозвал эту гору Алмазной. В морозный день ее снежная макушка загоралась такими ослепительными вспышками, что действительно очень походила на большой алмаз. Пройдя еще немного, Петя остановился, чтобы полюбоваться удивительной игрой солнца и снега.

Зимой гольцовские ребята устраивали

с этой горы катанье на лыжах и санках. Но был у горы один слишком отвесный склон, с которого могли съехать очень немногие. Еще до каникул Петя как-то позвал сюда Сережу, но тот не пошел: на школьном дворе тоже была большая гора, а кататься с Запретного склона он все равно не собирался. Сережа так и назвал склон «Запретным», совсем как учитель физкультуры. Вот тогда Петя и решил во что бы то ни стало научиться за каникулы съезжать с этой крутизны.

Подъехав к горе, Петя увидел двух незнакомых мальчиков с самодельными санками. Заметив, что Петя направился к отвесному склону, мальчики бросили санки и побежали поглядеть на смельчака.

— Неужели решил съехать? — спросил паренек в больших синих варежках.

Петя посмотрел на него и, задорно подмигнув, взмахнул палками.

— Здорово катается! — восхищенно произнес тот же парнишка, следя, как ловко перескакивает Петя через снежные овражки и сугробы. Вот он взлетел на один, на другой, пожалуй самый высокий, и вдруг, смешно вскинув руки, исчез.

— Не устоял, — огорчился второй мальчик, поменьше.

Друзья переглянулись и бросились к Пете. Он стоял около сугроба с обломком лыжи в руках.

— Зачем же ты с этого склона поехал, раз маневрировать не умеешь? — сердито спросил мальчик в синих варежках. — Тут старшеклас-

стики и те без инструктора не катаются. Сообщать надо, что делаешь!

— Будет тебе, — укоризненно нахмурил брови его товарищ. — У человека неприятность, а ты еще ругаешь его, — и, потянув приятеля за рукав, пошел к оставленным санкам.

Петя отыскал в снегу палки, поднял поломанную лыжу и направился домой. Остаться на горе было уже незачем.

«Экая досада! — размышлял он дорогой. — Все тренировки теперь сорвались».

Больше у Пети в «Каникулярном дневнике» не было записано ничего. Но не сидеть же в каникулы сложа руки? И вдруг Петя даже подпрыгнул от радости. Новое занятие было найдено!

Утром, как только Валерик ушел на экскурсию в типографию, Петя взял со стола две котлеты, оставшиеся от завтрака, выманил в коридор соседского фокстерьера Ластика и, упрятав его под шубу, вышел с ним во двор.

— Если уж с тиграми ничего не получилось, научу хоть тебя через канавы прыгать, — сказал Петя Ластiku и потащил его к большой яме, расположенной в конце двора. Тут Петя дал Ластiku понюхать одну из котлет, потом обошел яму и положил котлету с другого края. Но не успел Петя оглянуться, как Ластик уже проглотил приманку. Оказывается, он шел вслед за Петей. Тогда Петя отломил кусок от второй котлеты и, бросив его через яму, крикнул строгим голосом:

— Ластик, взять!

Пес тьякнул и, облизнувшись, снова бежал яму, а не перепрыгнул ее, чтобы съесть котлету.

— Ах ты, хитрюга! — рассердился Петя и, чтобы показать пример Ластикю, прыгнул через яму к котлете, но поскользнулся и сорвался вниз. Очутившись на дне, он услышал над собой аппетитное чавканье.

— Ну, погоди у меня! — пригрозил Петя. — Дай только вылезу.

Но выбраться из ямы без посторонней помощи оказалось невозможным: беда заключалась в том, что Петя не доставал руками до краев ямы.

— Что же делать? — испугался он и закричал: — Эй, кто-нибудь, выручайте!

Но тут же сообразил, что во дворе никого нет, и окончательно приуныл.

«И зачем только Валерка на экскурсию пошел? — подумал Петя. — Даже непонятно, к кому он в гости приехал? Целый день с чужими ребятами бегают».

Сидеть в заснеженной яме одному было тоскливо. Неожиданно для себя Петя вдруг почувствовал, как сильно соскучился он по Сереже и остальным товарищам. Его неудержимо потянуло в школу.

«Небось Сергей сейчас в бильярд играет, а Володя-физорг с кем-нибудь в шахматы сражается. Везет же людям! А я...»

От этих мыслей Пете стало так грустно, что он, не выдержав, заморгал ресницами и из всех сил снова закричал:

— Кто во дворе? Идите сюда скорее!

И вдруг он услышал голос Сережи:

— Где ты? Откуда кричишь-то?

Петя вскочил и подбросил вверх шапку.

— Ты что это, как медведь, в берлогу забрался? — смеялся Сережа, помогая Пете выбраться. — И в школу почему-то не приходишь? А у нас новостей — не перечесть! В школу лыжи привезли, и мы теперь с Григорием Ивановичем на Гольцовскую гору ездим, он нас слалому учит. А еще, знаешь, у нас на утреннике дрессировщик из цирка был, рассказывал про своих тигров и нас пригласил на них посмотреть. Сейчас все в школе собираются, а потом в цирк. Вот я и зашел тебе сказать...

— Спасибо, — ответил Петя и вдруг почувствовал, что голос у него дрогнул.

Перед тем как пойти с Сережей в школу, Петя разыскал Валерика и сказал ему:

— И где ты только пропадаешь? Нам же в школу давно пора, а оттуда в цирк, тигров смотреть.

Тут Петя заскрежетал зубами и зарычал так страшно, что у Валерика даже мурашки забегали.

А через несколько минут Петя, Сережа и Валерик уже бежали вместе по улице к ярко освещенной шумной школе.

Нянь дней

Вы представляете, что значит быть фотокорреспондентом школьной спортивной стенгазеты? Фотокорреспондент ничего пропустить не может. Вот, скажем, был помещен в газете снимок «Финиш чемпиона». Так Степа Крутиков, наш спецфотокор, охотясь за этим снимком, даже сам обогнал на ледяной дорожке чемпиона школы по конькам. Ловко забежал вперед и перед самым финишем щелкнул фотоаппаратом. Правда, у чемпиона получилось ужасно огорченное лицо. Ведь он решил,

что его обгоняет не фотокорреспондент, а кто-то из участников соревнований, вот и расстроился. А во всем остальном снимок удался. На нем даже было заметно вырывающееся из рта чемпиона дыхание. Только одна Маша Зайцева, известная всей школе насмешница, не оценила снимок.

— Какое ж это дыхание? — смеялась она. — Засветил пластинку, вот и все!

От обиды Степа даже не стал спорить. Только подумал: «Ну, погоди, на зимних каникулах я такие снимки на катке сделаю, что ахнешь!»

Однако, придя в школу в первый день каникул, он узнал, что почти все спортсмены, в том числе и Маша, отправляются через несколько дней в лыжный поход. Командир похода Федя Уточкин сказал ему:

— Ты, Крутиков, побольше пленки захвати. В походе наверняка всякие происшествия будут.

— Происшествия-то будут, только вот... — Степа замялся.

Он хотел сказать, что не пойдет с ребятами, потому что не умеет ходить на лыжах. Но тут, как нарочно, появилась Маша Зайцева. А ей дай только за что зацепиться, засмеет так, что потом жизни рад не будешь. Вот он и промолчал. А теперь, когда до похода остались считанные дни, Степа просто места себе не находил. Что же делать? Разве можно снять только старт и финиш похода? А где снимки опасных спусков? Стремительных поворотов и разных происшествий?

Но как ни раскидывал Степа умом, ничего не оставалось, как пойти к Феде и сказать все как есть. Конечно, можно было что-нибудь выдумать: например, притвориться, что растянул ногу. Но Степа не любил обманывать. В конце концов решил так: взять у Феде лыжи и продемонстрировать ему свое «искусство». Пусть без всяких слов убедится, что Степа далеко не уйдет.

Федю Степа застал во дворе.

— Давай с горы кататься, — предложил Федя. — Я сейчас тебе братишкины лыжи вынесу.

— С горы?! — усмехнулся Степа, но тут же подумал: «А что? Может быть, повезет: расшибусь сразу, вот и объяснять ничего не надо».

Он забрался на гору с лыжами в руках и первым установил их на вершине горы.

— Давай! — крикнул Федя.

Степа начал продевать валенки в ремни, но одна лыжа вдруг поехала с горы, не дождавшись хозяина, а другая протянула его за собой. Степа взмахнул руками и покатился с горы кубарем.

— Да ты никак кататься не умеешь? — ахнул Федя, помогая Степе подняться.

— Не умею, — краснея, признался Степа. — Я ведь и шел к тебе, чтоб...

— Молодец! — хлопнул его по плечу Федя. — Правильно сделал. Я тебя в два счета выучу. Сам в позапрошлом году за три дня научился. А у нас целых пять!

— Неужели научишь? — обрадовался Степа.

— Да за пять дней ты у меня чемпионом станешь, — пообещал Федя.

Пять дней! Степа, наверное, будет помнить их всю жизнь. И что только Федя не проделывал с ним! Сначала приказал оставить лыжи и ходить по двору с палками в руках широкими шагами. Потом отобрал палки и заставил точно так же шагать на лыжах. На третий день, перед тренировкой, Федя спустил с цепи свою овчарку Чару и вынес из дома сверток с бутербродами.

— Для чего это? — спросил Степа.

— Нужно, — коротко бросил Федя и, привязав к ошейнику Чары самодельные вожжи, вручил их стоявшему на лыжах Степе. — Приготовься! — крикнул он и, выхватив из свертка бутерброд, побежал по дорожке, приманивая собаку.

Чара рванулась и потащила за собой Степу. Ездить, держась за вожжи, было очень трудно. Но Федя заявил, что других способов отработать лыжнику устойчивость не знает, а этот проверен им самим. Скоро Степа уже увереннее скользил по накатанной лыжне и падал гораздо реже. Но тут Федя начал кидать кусочки колбасной кожицы в разные стороны. Овчарка заметалась, и Степе опять пришлось не сладко.

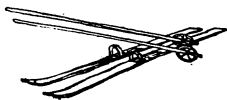
В последний, пятый день обучения Федя зашел за Степой вместе с Машей Зайцевой, той самой, которая только и ждала, чтобы над кем-нибудь посмеяться.

«Этого еще не хватало», — нахмурился Степа. Ему совсем не хотелось стать посмешищем. Пришлось стараться как никогда. И что же? Проехал Степа несколько раз с горы и не упал, прокатился без палок — и опять благополучно. А перед тем как пойти домой, отважился и с такого крутого склона скатился, что Маша даже вскрикнула и зажмурилась.

— Ну, что я говорил? — сказал ему Федя. — Всего пять дней ходишь на лыжах, а ведь не хуже нас, — и он тоже поехал к склону.

— Всего пятый день?! — ахнула Маша и вдруг рассмеялась.

Степа вздрогнул, но тут же, проследив Машин взгляд, улыбнулся сам: оказывается, Федя, не решившись съехать со склона, поворачивал обратно.

Стрижка

В поселке «Бережок» была только одна парикмахерская. И работал в ней всего один мастер — Андрей Григорьевич Стариков. Андрей Григорьевич очень любил свою профессию, и в парикмахерской всегда был полный порядок. В комнате для ожидания на маленьком столике лежали свежие газеты и журналы, а над кассой висел написанный рукой Андрея Григорьевича плакат: «Дети обслуживаются вне очереди».

Этим правилом и решили воспользоваться

пятеро друзей-четвероклассников, когда, заглянув в парикмахерскую, увидели там нескольких пожилых мужчин. Мальчики прошмыгнули вперед и выстроились под самым плакатом. Увидя их, Андрей Григорьевич оторвался от работы и сказал:

— Вы, молодежь, приходите попозже. Сейчас у меня делегаты сельскохозяйственной конференции бреются. Задерживать их не имею права. Одного еще смогу обслужить, а остальных прошу попозднее.

— Мы тогда все вечером придем, — сказал Ваня Колосков, самый обросший мальчуган. — Только вы уж всех подстригите. А то нас Мария Ивановна еще весной предупреждала: кто первого сентября придет в школу нестриженный, в класс не пустит.

— Не беспокойтесь, приму обязательно, — заверил Андрей Григорьевич, — приходите в пять часов.

Успокоенные, мальчики ушли.

Около пяти часов приятели собрались в своем дворе, чтобы всем вместе снова пойти в парикмахерскую. Не было только Вани Колоскова. Ребята сложили ладоши рупором и наперебой принялись вызывать его.

Тотчас же из окошка второго этажа вынырнули торчащие во все стороны вихры.

— Я сейчас! Только сестренку накормлю, — отозвался Ваня.

— Догоняй нас! — крикнули ребята и зашагали к воротам.

Минут через десять побежал в парикмахерскую и Ваня. В конце переуллка он увидел идущую

щую навстречу маленькую старушку. В одной руке старушка несла чемодан, другой опиралась на палку. Когда Ваня поравнялся с ней, старушка сказала:

— Помоги-ка мне, мальчик, поднять чемодан на плечо.

— А вам далеко? — спросил Ваня.

— На Большую Ивановскую.

До Большой Ивановской было порядочно.

— Давайте я донесу вам, — предложил он и взял чемодан.

— Нет, нет, — запротестовала старушка, — чемодан тяжелый. Вот если вместе, тогда другое дело, — и она продела под ручку чемодана свою палку.

Нести чемодан на палке было не трудно, но старушка шла очень медленно, и Ваня заволновался: «Не опоздать бы, а то закроют парикмахерскую».

На углу Большой Ивановской улицы Ваня остановился.

— Утомился, внучек? — спросила старушка. — Ну что же, давай отдохнем, а то и я устала.

Ваня растерялся. Он хотел сказать, что торопится, но вместо этого окликнул обогнавшую их девушку и спросил:

— Скажите, пожалуйста, который час?

— Пять минут седьмого, — бросила та.

— Да ты, может, спешишь куда? — всполошилась старушка.

— Теперь уж нет, — упавшим голосом проговорил Ваня.

И действительно, торопиться было незачем:

парикмахерская закрывалась в шесть часов. Дождавшись, когда старушка передохнет, Ваня медленно зашагал дальше. Можно было сократить дорогу и пройти в конец улицы задворками. Большая Ивановская огибала часть поселка. Но теперь Ване было все равно. И он пошел по улице.

«Увидит Мария Ивановна мои вихры, сразу к директору отправит, — подумал Ваня. — В первый же день — и к директору!»

— Вот мы и пришли, — перебила его мысли старушка и, открыв дверь, добавила: — Зайди-ка, я тебя яблоками угощу.

— Мама, это ты? — раздался из соседней комнаты чей-то голос. — А я тебя не ждал сегодня! Как же ты с вокзала добралась?

— В Москве до вокзала на машине доехала, а тут мне один молодой человек помог. Да погоди ты с расспросами, дай мне своего помощника яблоками угостить.

Из соседней комнаты вышел сын старушки.

«Парикмахер!» — чуть не ахнул Ваня. Андрей Григорьевич тоже узнал своего утреннего клиента.

— Вот ты, оказывается, почему стричься-то не пришел, — сказал он, обращаясь к Ване, и, достав блестящую машинку, привычным жестом указал ему на стул.

Предложение Андрюши Хохолкова

Вчера, когда мы возвращались из школы, наш одноклассник Андрюша Хохолков сказал:

— Вот что, ребята, я предлагаю заняться каким-нибудь интересным делом.

— А каким? — спросил Федя Остроухов.

— Вот если бы у нас не было кружка юных астрономов, мы могли бы организовать такой кружок. Если бы мы не умели играть в шахматы, то занялись бы изучением шахматной теории. Если бы...

— Что ты все «если бы» да «если бы», — перебил его Федя. — Говори сразу, что предлагаешь.

Андрюша пожал плечами.

— Сразу не придумаешь. Давайте себе-ремся завтра часа за два до уроков и поговорим.

Мы согласились. Придя домой, я тут же стал придумывать, чем бы нам заняться. Мне хотелось выдумать что-то необычное и наутро поразить всех ребят. Долго я думал, но почему-то ничего интересного в голову не приходило. Придумал организовать кружок «Умелые руки», а он у нас уже был. То же и с баскетбольной командой получилось. Тут я, к счастью, вспомнил любимую поговорку Фе-диной бабушки: «Утро вечера мудренее», — и решил подумать об этом утром, на свежую голову. А утро выдалось и на самом деле мудреное.

Не успел я проснуться, как прибежал бледный, точно мел, Федя и срывающимся голосом сообщил:

— Сбор не состоится. Андрея повели в милицию.

Очевидно, у меня сделалось очень растерянное лицо, потому что Федя поспешно сказал:

— Не отчаивайся. Я думаю, здесь какое-то недоразумение. Мы должны выяснить, в чем дело. Идем скорее.

Я быстро оделся, и мы помчались в милицию. Городская милиция находилась в конце нашей улицы, недалеко от речки. Мы быстро

добежали до нее. Выяснив, что на первом этаже находится паспортный стол, куда вести Андрюшу было незачем, мы поднялись на второй этаж и очутились в длинном пустом коридоре. По обе его стороны шли закрытые двери. Я вопросительно посмотрел на Федю, он хотел что-то сказать, но как раз в эту секунду ближняя к нам дверь, на которой была табличка с надписью «Начальник», приоткрылась, и мы увидели Андрюшу. Он стоял к нам спиной перед столом начальника и, переминаясь с ноги на ногу, что-то говорил. До нас долетели слова:

— ...У меня ж, товарищ майор, уздечки нет... И шпор тоже.

— Все ясно, — прошептал Федя. — Андрей катался на милицейской лошади, и его поймали.

Я закивал головой. Действительно, как это я сам не догадался, ведь у милиции есть лошади. Стреноженные, они часто пасутся на лугу у речки. И мы бегаем туда, чтобы покататься на самом красивом коне по кличке Маркиз. Только я об этом подумал, как дверь отворилась настежь и начальник очень вежливо пригласил нас войти в кабинет. Мы вошли.

— Значит, вы и есть те самые любители верховой езды, о которых сказал мне ваш товарищ? — спросил он.

Я сразу покраснел и потупился, а Федя вдруг метнул в сторону Андрюши сердитый взгляд и быстро заговорил:

— Что вы, товарищ начальник, я, например, вообще не люблю лошадей. Я даже при

встрече с ними всегда шарахаюсь и перехожу на другую сторону.

— Почему же? — удивился начальник.

— Это у меня наследственное, — не моргнув глазом, ответил Федя. — Моя бабушка в детстве попала под лошадь. Она еще до сих пор прихрамывает.

Мы с Андрюшей чуть не фыркнули. Кому-кому, а уж нам хорошо известно, что Фебина бабушка не хромает.

Начальник встал из-за стола и, обратившись к Андрюше, сказал:

— В субботу к пяти часам приведешь всех наездников.

— Есть привести наездников, — отрапортовал Андрюша и, четко повернувшись, вышел из кабинета.

В коридоре Федя тотчас накинулся на него.

— Сам попался и других выдал. Эх, ты! А я еще хотел тебя в звеньевые предложить.

И тут совсем неожиданно Андрюша так и покатился со смеху. А потом вот что выяснилось. Оказывается, вчера вечером, когда Андрюша ложился спать, он подумал: зачем кататься на лошадях тайком, когда можно пойти в милицию, попросить взять над нами шефство и организовать кружок юных наездников. С этим предложением Андрюша и отправился в милицию. А по дороге он встретил знакомого милиционера и пошел с ним вместе. Тут-то их и увидел Федя.

— Начальник велел мне составить список

желающих заниматься и всем вместе прийти к нему в субботу, — объяснил Андрей.

Я очень обрадовался такому сообщению и принялся хлопать Андрюшу по плечу и хвалить за организаторские способности. Но Федя вдруг дернул меня за рукав и сказал каким-то незнакомым голосом:

— Ребята, а как же я? Ведь я сказал, что не люблю лошадей. Теперь начальник меня ни за что не примет в кружок.

Федя присел на скамью и зашмыгал носом. Да так громко, что мне даже смотреть на него стало тоскливо. Я стал напряженно думать, чем бы помочь Феде. Но Андрюша вдруг взял его за руку и, быстро бросив мне: «Подожди», снова потянул Федю к начальнику.

Вскоре из кабинета вышел сияющий Федя.

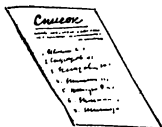
— Все в порядке, — сообщил он.

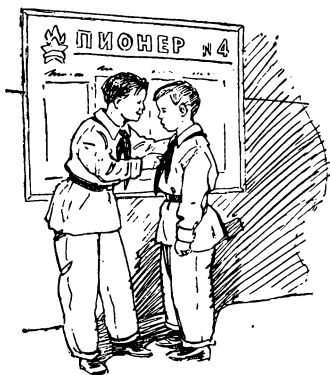
— А что ты сказал? — поинтересовался я.

— Ничего. Говорил Андрей, а я только подтвердил его слова.

— А он что сказал?

— Андрей-то? — переспросил Федя и, широко улыбаясь, добавил: — Он сказал, что по его наблюдениям наследственные признаки мне не передались. Потому что у нас в семье никто никого не обманывает, а со мной это случается.

Опытный тренер

Как только выяснилось, что чемпионом 5-го «Б» по прыжкам стал Володя Евсиков, его друг Сеня Топочкин заявил:

— Не быть мне физоргом, если я не сделаю из Евсикова чемпиона школы!

И Сеня начал действовать.

Он тотчас же составил план Володиных тренировок, потом сбегал в книжный магазин и купил брошюру «Техника прыжка». Из магазина Сеня отправился к Володе.

— Ну, чемпион, как самочувствие? — спросил Сеня, снимая пальто.

— Неважное. Задача никак не получается. Ты решил?

— Не беспокойся, сейчас получится.

Сеня подсел к столу и принялся решать задачу.

— Все готово, — сказал он минут через пять. — Можешь переписывать.

— Зачем же переписывать? — удивился Володя. — Ты лучше объясни мне.

— Только не сейчас. Ну хоть завтра утром, а сейчас есть дело поважнее. Нам вот с этой книжечкой надо ознакомиться и план тренировок уточнить, — доставая из кармана книгу «Техника прыжка», объявил Сеня.

Но не успел он раскрыть книгу, как в комнату вошла Володина бабушка и сказала:

— Володечка, сходи, пожалуйста, в магазин. У нас чай кончился.

Володя начал было одеваться, но Сеня остановил его и обратился к бабушке:

— Вы знаете, что ваш внук стал чемпионом класса по прыжкам?

— Нет. Володя мне еще ничего не говорил.

— Так вот, — продолжал Сеня, — он чемпион и на днях должен участвовать в общешкольных соревнованиях. Он будет защищать спортивную честь нашего класса. Это очень ответственно! Так что, если можно, обойдитесь, пожалуйста, сегодня без чаю: нам некогда. Мы разбираем технику прыжков.

Володя хотел было возразить, сказать, что он очень быстро сбегает за чаем, но ему понравилось, как Сеня сказал о нем бабушке, и он промолчал.

— Ну, раз такое дело, я уж сама схожу, — вздохнула бабушка и ушла из комнаты.

Сеня прикрыл поплотнее дверь и принялся объяснять Володе составленный им план тренировок. Начинался он с утренних пробежек, после школы — тренировка вместе со всей командой, затем короткий отдых и снова прыжки, пробежки и спортивные игры.

— А когда же уроки учить? — удивился Володя.

— На твоём месте, — заговорщицки проговорил Сеня, — я учил бы сейчас только те предметы, по которым тебя ещё не вызывали. Тогда у тебя будет больше свободного времени для тренировок. А потом ты подгонишь.

Против такого предложения Володя не возражал. Приятели тут же выяснили, по каким предметам Володе надо заниматься обязательно, а по каким можно повременить. Но мальчики просчитались: учитель физики совсем недавно вызвал Володю и вдруг спросил снова, а с географией получилось вообще что-то непонятное. Володя отвечал на последнем уроке, да и до этого имел четверку, а его все равно вызвали. Конечно, по обоим предметам он получил двойки.

— Ты только не отчаивайся, — успокаивал его Сеня. — Четверть ещё не кончается, так что наверстаем. А сейчас главное — сохранять бодрость духа. Помни, тебе надо занять первое место!

Через день, на уроке физкультуры, учитель Григорий Иванович сказал ребятам:

— В субботу у нас состоится общешколь-

ные соревнования по легкой атлетике. От вашего класса в них примут участие... — И Григорий Иванович перечислил состав участников.

— А Евсиков? — спросил Сеня. — Вы забыли назвать Евсикова. Он же чемпион класса.

— Володя участвовать в соревнованиях не может, у него есть двойки. Вместо него я включил в команду Толю Стрельцова.

— Стрельцова? — озабоченно переспросил Сеня и задумался.

Но уже через несколько минут он подошел к Толе и решительно сказал:

— Времени у нас, конечно, маловато, но ты не отчаивайся. Не быть мне физоргом, если ты...

И Сеня начал действовать.

Наш спектакль

Вот встретится вам где-нибудь мой друг Яша Пчелкин, так я уверен, вы на него даже не взглянете. Потому что наружность у Яши самая непримечательная. Ростом он чуть пониже меня, на верхней губе, точно у какой-нибудь девчонки, две родинки притаились, а глаза такие маленькие, что в первые дни нашего знакомства мне все казалось, будто Яша не выпался.

Но на самом деле глаза у него хоть и похожи на щелки, а зоркие, как у хорька. И во-

обще вся наружность Яши обманчивая. Еще месяц назад я тоже считал его самым обыкновенным человеком, вроде себя или вас. И вдруг совсем неожиданно узнал... Нет, такое сразу и не произнесешь. Помню, в первую минуту от того, что я услышал, мне даже не по себе стало. Оказывается, Яша, точно какой-нибудь неодушевленный атом, способен расщепляться! Вы, может, подумали, что я оговорился или решил вас развеселить? Ничего подобного! Именно все так и есть. Вот как это выяснилось.

В конце второй четверти подошел ко мне Яша и сказал:

— Мы с ребятами думаем веселую пьесу разучить. Будешь в ней участвовать?

— Не возражаю, — ответил я.

— Тогда останься после уроков.

Я остался, и Яша прочитал нам пьесу под названием «Изобретатели». В ней рассказывалось о бригаде молодых конструкторов, которые были заняты усовершенствованием различных машин. Пьеса была совсем не смешная, как сказал мне Яша, но нам понравилась. Мы тут же стали переписывать роли, а на другой день остались на репетицию.

И вот в то время, как все мы просто читали свои роли по тетрадкам, Яша репетировал как-то необычно. Каждую реплику он произносил два раза подряд: один раз громко, а другой так тихо, что его почти не было слышно. Но это еще не все. Произнося слова, Яша, точно скворец Васька из школьного живого уголка, наклонял набок голову, скашивал в сторону

свои маленькие глазки и словно к чему-то прислушивался. В конце концов мне это надоело, и я хотел было сказать, чтобы он много не вообразал, а репетировал как полагается. Но тут ко мне наклонился мой сосед Кира Яковлев и прошептал:

— Яша-то, а? Кто бы мог подумать, а?

— Действительно, безобразие! — сказал я. — Сам предложил пьесу разучить, а теперь паясничает!

— Что ты! — зашипел Кира. — Он ведь не просто репетирует, а еще и сам себя проверяет: хорошо сказал или плохо. У артистов этот процесс называется «расщеплением».

— Выходит, Яшка сейчас расщепляется? — фыркнул я.

Кира сердито сдвинул брови и поднес палец к губам. Но я все-таки спросил его:

— А за нами он тоже наблюдать может, хорошо мы играем или нет?

— Конечно, — кивнул головой Кира. — Он же прирожденный режиссер!

После этого я не стал долго думать и предложил выбрать Яшу нашим руководителем. Все согласились. И не будь Яша таким на редкость одаренным человеком, все шло бы хорошо. Но из-за своего разностороннего таланта он расщепился так, как мы и не предполагали. Но я лучше расскажу все по порядку.

Уже на следующей репетиции Яша спросил:

— Как по-вашему, что делают герои пьесы в свободное время?

— В театры ходят, — предположил Сережа Облачков.

— Нет, — возразил Кира, — они, наверное, о всяких формулах думают, планы чертят. Ведь вот когда у нас бывает контрольная, мы же перед ней в театр не ходим. А для конструкторов каждая новая машина — та же контрольная.

— Правильно! — подхватил Яша. — Вот и нам надо построить модель какой-нибудь машины. — И, заметив наши удивленные лица, пояснил: — Эта модель понадобится нам для декорации. А кроме того, поможет лучше почувствовать роли. Небось слышали: даже знаменитые артисты всегда стараются познакомиться с профессией своих героев.

— А как же? — заметил Кира. — Я читал об этом. Вот, например, артисты Художественного театра, когда ставили пьесу Горького «На дне», изучали жизнь босняков, не то что конструкторов. Они ходили на Хитров рынок, в разные ночлежки.

— Недаром говорится: «Искусство требует жертв», — засмеялся Сережа.

Посоветовавшись, мы решили сделать для нашей декорации модель экскаватора. Прервали репетицию и отправились на поиски необходимого стройматериала. Задача была нелегкая. Недавно мы всей школой собирали железный лом, так что все близлежащие дворы были очищены. Пришлось разбрестись по дальним улицам. Я пошел во двор того дома, где живут наши знакомые. Еще в прошлое воскресенье они собирались выбросить на помойку старое ведро, но тогда тетя Клава ска-

— Не стоит торопиться. С недельку оно еще послужит.

Теперь эта неделька кончилась. Но я не успел дойти даже до середины их переулка, как вдруг услышал за своей спиной голос мамы:

— Ты что же обманываешь меня? Сказал, пойдешь в школу, на репетицию, а сам...

— Я и репетирую, — возразил я. — Только мы решили, как в Художественном театре...

— Будешь выдумывать — накажу, — рассердилась мама. — А ну-ка, марш домой уроки делать!

— Да я верно говорю... Мы модель экскаватора хотим построить, чтобы в инженеров вжиться. Вот и собираем железо. — И для большей солидности я добавил: — Другие вон по ночлежкам ходили, и то ничего, а ты сердишься.

Но тут мама так строго посмотрела на меня, что я сразу замолчал и покорно поплелся за ней следом домой.

Наутро я пришел в школу раньше обычного и, заглянув в мастерскую, застал там всех «артистов». Они сколачивали из досок экскаватор.

— А ковш можно совсем не делать, — сказал Сережа Облачков. — Поставим экскаватор сбоку сцены, и всем будет казаться, что ковш и стрела у нас за кулисами.

— Нет, делать так делать, — запротестовал Яша и вдруг сказал: — А что, если нам настоящую модель построить, действующую?

Чтобы ее можно было на сцене демонстрировать.

— Это здорово! — поддержал Кира. — Тут одного шума столько будет! Вот только с чего скопировать?

— Ребята! — крикнул я. — У моего соседа Алика есть игрушечный экскаватор. Он совсем как настоящий, только вместо мотора заводная пружина. Пошли посмотрим.

— Всем неудобно. Нас ведь семь человек, — возразили ребята.

— Мы же по делу. А родители у Алика гостеприимные. В субботу у них человек двадцать в гостях было, даже стулья у нас занимали...

— Тогда пойдем, — согласился Яша.

К Алику отправились после уроков. Алик сидел на полу и, изогнувшись, точно вопросительный знак, заглядывал под экскаватор.

— Сломал! — догадался Кира.

— Все время крутился и вдруг... — смущенно пробормотал Алик.

— Докрутил, значит, — с сердцем сказал я. — Правильно мой дед говорил, что рано тебе такие игрушки покупать. Ну что ты понимаешь в машинах?!

— А ты что понимаешь? — спросил Алик.

— Я-то понимаю.

— Ну и почини тогда.

— Покажи, что сломалось-то? — попросил Яша.

Алик перевернул экскаватор набок и сказал:

— Ручка не заводится.

Яша потянул торчащую из кабины пружину и вытащил ее.

— Отклепалась. Ну, это дело поправимое, — улыбнулся он. — Если хочешь, мы можем починить. Только придется его в школьную мастерскую забрать.

— А надолго? — спросил Алик.

— Дня на два. Да ты не сомневайся, мы вернем.

— Конечно, вернем, не сомневайся, — хором заговорили мы.

Алик подошел к висящему на стене календарю, подставил стул и, забравшись на него, перевернул два листка.

— Вот когда эта картинка с речкой и мостиком будет — принесете? — спросил он.

— Точно! — сказал Яша. — А если сомневаешься, мы тебе школьный телефон оставим. Звони тогда прямо директору.

— Зачем ему телефон? — возразил я. — Не принесем — он может моей маме сказать. Мы же соседи.

— Ладно. Я тогда лучше твоей маме пожалуюсь, — согласился Алик и достал из-под дивана большой лист оберточной бумаги, в которую экскаватор, очевидно, завернули в магазине.

Минут через двадцать мы торжественно внесли экскаватор в школьную мастерскую. Сразу в ход были пущены отвертки, молотки, клещи-кусачки, и вскоре из красивой, сверкающей свежей краской машины он превратился в невзрачную кучу колесиков, винтиков и железок.

Яша роздал каждому из нас по несколько деталей, и мы принялись изготавливать точно такие же из собранного накануне железа.

Над деталями мы провозились еще два дня, но работу так и не окончили — экскаватора не собрали. Поэтому, когда, проснувшись утром, я увидал на календаре картинку с речкой и мостиком, то сейчас же постучался к Алику и сказал:

— Понимаешь, какая у нас петрушка получилась...

— Совсем доломали, что ли? — серьезно, по-взрослому спросил он.

— Что ты! — обиделся я. — Мы просто не управились с работой. Ведь по твоему экскаватору мы еще другой делаем, себе. Так что твой пришлось разобрать. А вот собрать его мы никак не можем. Но ты не волнуйся. Завтра у нас физика, мы все выясним у Николая Ивановича. К вечеру экскаватор будет у тебя.

Но назавтра Яша вдруг предложил усовершенствовать оба экскаватора — наш и Алькин. Он надумал заменить в них заводную пружину настоящим бензиновым моторчиком, а еще внес очень ценное предложение: убрать один из четырех роликов, на которых стоит кабина, и установить ее на трех.

Мы не сразу поняли, для чего это Яше понадобилось. Тогда он спросил нас:

— Долго мы железный лом искали? Долго. Трудно нам было? Трудно! А если мы уберем лишний каток и поставим кабину на три ролика, представляете, какая от этого будет эко-

номия металла при массовом выпуске экскаваторов?

У меня даже дыхание захватило от Яшиной сообразительности. Мы тут же закричали: «Ура!» — и принялись качать Яшу точно так, как это полагалось у нас в конце пьесы. Потом, вспомнив о нашем спектакле, мы решили немного порепетировать.

И тут Яша оказался прав. После того как мы пережили всякие неудачи и радости с постройкой экскаватора, наши голоса зазвучали в пьесе куда увереннее и тверже. Мне даже показалось, будто я в самом деле настоящий конструктор. Но Яша увидел в моих движениях некоторую робость и, чтобы я мог окончательно избавиться от нее, поручил мне склепать бачок для моторчика. Нашлось дело и остальным.

Прошло еще три дня, и оба экскаватора были, наконец, полностью усовершенствованы. Мы тут же отнесли Альке его экскаватор, а свой поставили в мастерской на самом видном месте.

— Ребята! А ведь когда мы будем демонстрировать модель зрителям, надо же что-то говорить, — спохватился я. — А в пьесе таких слов нет.

— Вот ты и напиши их, — сказал Яша.

Весь вечер я ломал себе голову, придумывая эти слова. Я даже сбегал в аптеку и купил бутылку «Ессентуки» № 17. Ведь многие писатели, когда пишут свои произведения, утоляют жажду минеральной водой. Но «Ессентуки» мне не помогли. Я хотел уже все

бросить и пойти на каток, но в это время прибежал взволнованный Сережа Облачков и сказал:

— Можешь ничего не писать. Представление отменяется. Наш экскаватор похитили.

— Как похитили? Кто? — спросил я.

— Откуда я знаю?

— Что же делать?

— Бежим в школу! Там сейчас все ребята.

Дорогой Сережа предложил мне:

— Может, в милицию заявим? Пусть ищейку приведут.

— Верно. Только сначала нужно оцепить то место, где стоял экскаватор. По нему никто не должен ходить.

В дверях школы мы столкнулись с Кирой.

— А я за вами, — сообщил он, — идемте к директору!

В кабинете директора были все наши артисты. А за его столом сидел незнакомый мужчина и рассматривал... наш экскаватор. Как только мы вошли, директор сказал ему:

— Теперь все в сборе. Прошу вас.

Незнакомец оторвался от экскаватора и, оглядев нас, сказал:

— На днях, ребята, в городском Доме пионеров откроется выставка детского технического творчества. От вашей школы по рекомендации учителя физики мы берем на выставку эту модель. Должен вам сказать, что ваш экскаватор далеко не совершенен. В нем есть

большие неточности и ошибки. Но меня он порадовал тем, что вы не просто скопировали его, а постарались внести в его устройство что-то свое, новое. Для конструкторов это очень ценное качество.

Представитель Дома пионеров вышел из-за стола и пожал каждому из нас руку. Тут мы вышли в коридор и начали толкаться и хлопать друг друга по спине, выражая этим свою радость.

— Вот как все обернулось, хотели быть артистами, а стали конструкторами, — засмеялся Яша и предложил: — Может, нам еще модель электрического трактора сделать?

— А как же спектакль? — спросил Кира.

— Так ведь теперь у нас все равно нет декорации, — возразил Яша. — А электрический трактор, знаете, какая любопытная машина? Я про него уже две книжки прочитал.

Тут я вспомнил наш разговор с Кирой на первой репетиции и, еле сдерживая смех, шепнул ему:

— Ну и сильно же Якова расщепило. Со всем в технику перемахнул.

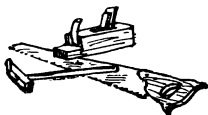
— Я же говорил тебе, что Пчелкин разносторонний талант, — ничуть не смутившись, ответил Кира.

— Вот поди ж ты, какой он, оказывается, необыкновенный человек, — посмотрев на Яшу, с удивлением сказал я. — А так, снаружи, ничего особенного в нем нет. Видно, правильно говорят: мал золотник, да дорог, а...

— Знаю, знаю, — перебил меня Кира.

Он был не по годам длинный, и вторая половина этой поговорки ему не нравилась.

...А немного спустя все мы, бывшие артисты, снова собрались на школьной сцене. Но уже не на репетицию, а для того, чтобы прочитать Яшины книжки об устройстве электрического трактора. Кружок юных техников начал свою работу...

К. М. Я.

На большой перемене подошел ко мне Миша Яблочкин и сказал:

— Хочешь в К.М.Я. записаться?

— А что это за штука? — удивился я.

— Скажи, хочешь? Тогда объясню.

— Как же я скажу, когда не знаю. Может, это какая-нибудь ерунда?

— Сам ты ерунда, — обиделся Миша. — К.М.Я. — это Команда Миши Яблочкина, то есть моя команда.

— А что мы в ней будем делать?

— Что да чего!.. — передразнил Миша. — Записывайся, не пожалеешь.

Я задумался. А вдруг мне опять попадет от мамы, как на прошлой неделе. Тогда по предложению Миши мы организовали шумовой ансамбль. Все ребята вышли во двор с кастрюлями и, рассевшись под окнами, дали первый концерт. Второе выступление ансамбля, которое мы хотели провести в красном уголке, не состоялось. У нас отобрали инструменты, и наши мамы ходили в домоуправление за своими кастрюлями. Но Миша не унывал.

— Еще что-нибудь придумаем, — пообещал он и, как видите, сдержал свое слово.

— Ладно, — согласился я. — Так и быть. Записывай меня в команду.

Миша крепко пожал мне руку и таинственно произнес:

— После уроков приходи во двор к трем соснам.

— К каким трем соснам? Разве у нас во дворе есть сосны?

— Это я так сказал, для эффекта, — пояснил Миша. — А ты просто выходи во двор, вот и все. Ясно?

После уроков пришел я во двор, а там никого нет. Ждал, ждал, хотел было уже домой уходить, как прибегает Миша и говорит:

— С К.М.Я. ничего не получилось. Кроме тебя, никто не записался. А какая же это команда, если в ней всегда два человека!

— Это верно! — вздохнул я и спросил: — Ну и что ты придумал?

Миша обломил у ближнего деревца ветку и, размахивая ею, принялся объяснять свой план:

— Сегодня на уроке географии мне пришла в голову удивительная мысль. Что, если я, ты и еще человек пять или десять будем ходить по нашему переулку и следить за порядком? А то что получается? Возьмем хотя бы наш двор. Вот сделали взрослые для малышей горку...

Миша залез на горку и, стоя на ней, продолжал:

— Затратили время, потрудились, и вдруг какие-нибудь ребята испортят ее. А горка для малышей — одно удовольствие. Да и нам с нее покататься приятно.

Миша взмахнул руками и, присев на корточки, съехал с горки.

— А ты чего не катаешься? — крикнул он и съехал еще раз.

Потом мы нашли фанеру и, усевшись на ней, хотели прокатиться вдвоем, но горка вдруг развалилась.

— Безобразие! — отряхиваясь, возмущался Миша. — Взрослые, а не сознательные. Такого пустяка сделать как следует не могли. Вот и ребята у нас такие же. Я к ним с серьезным предложением, а они, знаешь, что мне ответили? — Миша извлек из кармана грудку записок и продолжал: — «Чем писать на уроках записки, решай лучше задачку». Или вот еще от Феди Осипова: «Поговорим обо всем после школы, а сейчас некогда». Французский урок шел, а ему некогда! Да мне после этого

с ним и говорить расхотелось. — Миша скомкал записки и сказал: — Давай выясним, кто из нас самый меткий.

Он слепил снежок, прицелился и попал в дощечку с номером дома.

Я тоже прицелился и тоже попал в дощечку.

— Оба меткие! — удовлетворенно отметил Миша и предложил: — Пошли побродим по улице. Может, увидим какое-нибудь безобразие и пресечем.

Но нам не повезло. Нигде никакого безобразия не было. Даже во дворе, в котором жил отчаянный озорник Сева Тюкин, все было спокойно. Сева катался вместе с ребятами на санках.

— Что ж это ты сегодня, а?.. — разочарованно протянул Миша.

— А чего? — не понял Сева.

Миша махнул рукой, и мы ушли со двора.

В переулке нам повстречался Федя Осипов, и я уговорил его вступить в нашу команду. Немного погодя мы вернулись к нам во двор.

— Зря мы сюда сразу не пришли, — сказал Федя. — Посмотрите, что здесь творится. Ветка у липы обломана, горка развалена, табличка с номером дома...

— Да тут прямо варвары какие-то были!.. — возмутился Миша, но вдруг осекся и замолчал.

— Давайте приведем все в порядок! — предложил Федя.

Мы принесли лопаты и принялись восстанавливать разваленную горку.

Так начала работать наша команда. Вскоре к нам присоединились еще пять одноклассников. А команду мы назвали не К.М.Я., а К.Ф.О. Потому что почти всегда нами руководил Федя Осипов. Миша на это не обиделся и даже сказал, что К.Ф.О. — еще звучнее.

Абсур

Прямо удивительно, какой озорник месяц март: то солнышком засияет, а то вдруг таким липким снегом или холодным дождем хлестнет, что и на улицу выйти не захочется.

А вот мои соседи по квартире — пятиклассник Костя и его семилетний братишка Павлик — этому месяцу всегда радуются. И, знаете, почему? Во-первых, Костя и Павлик родились в марте. А кто не любит отмечать свой день рождения! Во-вторых, есть в марте месяце один праздник. Называется он женским днем, и празднуют его восьмого числа.

Вы, вероятно, удивитесь. При чем же здесь Костя и Павлик? Ведь такой праздник к ним не относится. А весь секрет в том, что в День восьмого марта Костя с Павликом всегда делают маме какой-нибудь подарок. В прошлом году, например, Костя сочинил маме стихи, а Павлик нарисовал большой пароход с тремя трубами и дал обещание никогда не лазить без спроса в буфет за конфетами.

Теперь же Костя предложил Павлику подарить что-нибудь такое, что они могли бы сделать сами.

— Это очень ценный подарок, — авторитетно заявил он.

— А что мы сделаем? — спросил Павлик. Костя задумался.

— Вот если бы у нас в комнате не было ремонта, — сказал он, — мы с тобой могли бы побелить потолок.

«Как жалко, что мама отнесла сапожнику свои туфли, мы бы сейчас их починили», — подумал Павлик и сказал:

— Давай спросим маму, какой она хочет подарок.

— Спрашивать нельзя, — возразил Костя. — Мама сразу догадается, зачем это нам надо. — Но, подумав, Костя согласился: — Ладно, спросим. Только так, чтобы мама не догадалась.

За вечерним чаем Костя подтолкнул Павлика в бок и как бы между прочим спросил:

— Мама, если мы выиграем на облигацию, что ты купишь?

— Мы пошлем выигрыш бабушке, — ответила мама.

Братья переглянулись, и Костя пожал плечами.

— А если мы еще и на другую выиграем? — спросил Павлик.

— Если еще выиграем, — улыбнулась мама, — тогда положим деньги на книжку, а летом поедем на юг.

Павлик и Костя нахмурились. В другой раз такой ответ мамы им бы очень понравился, но сейчас поездка на юг их совсем не устраивала. Чай допивали молча. После чая мама стала вышивать.

— Дайте мне с комода шкатулку с нитками, — попросила она, — только осторожнее, она вся развалилась.

— Неужели развалилась?! — воскликнул Костя и многозначительно посмотрел на Павлика.

— Вот хорошо-то! — прошептал Павлик.

На следующее утро мальчики раздобыли фанеры, взяли у Костиного товарища Сени Родионова лобзик и принялись за работу. Было решено сделать в подарок маме новую шкатулку для ниток.

На дощечках, которые предназначались для стенок шкатулки, Костя вырезал звездочки, а на фанерке для крышки нарисовал павлина. Павлин получился очень похожим на индюка из книжки-раскраски Павлика, но фанера все равно получилась красивой. Однако Павлик

все-таки был недоволен. Все интересные вещи делал Костя. Ему приходилось только держать фанеру, чтобы она не подпрыгивала, когда старший брат выпиливал всякие украшения. Павлик не выдержал и сказал:

— Дай мне что-нибудь выпилить, а то я этот подарок и дарить не буду.

Костя попробовал убедить Павлика, что он тоже делает очень важное дело, потому что без его помощи Костя не выпилил бы ни одной дощечки. На это Павлик заявил:

— И не уговоришь! Все равно я больше держать ничего не буду. Я пилить хочу.

— А я не дам! — сказал Костя.

— А я все равно буду!

Павлик схватил лобзик, забежал по комнате и закричал:

— Буду пилить! Буду, буду!

Костя погнался за братом. Но Павлик убежал в другую комнату и закрылся на крючок.

— Если не дашь что-нибудь выпилить, я твою линейку распилю, — сообщил он и застучал Костиной линейкой.

Костя постоял перед закрытой дверью и решил уступить. Он дал Павлику фанерку, на которой был нарисован павлин, и сказал:

— Отпили вот этот краешек.

Павлик принялся старательно водить лобзиком по фанерной дощечке. От усердия он даже запыхтел и высунул язык. Вдруг пилка неожиданно поехала в сторону, и Павлик стал отпиливать павлину хвост.

— Стой! — закричал Костя. — Что ты пи-
лишь?!

Павлик отдернул лобзик и задел им настольную лампу, которая упала на пол. С минуту братья молча смотрели на зеленые черепки разбитого абажура. Павлик громко заплакал.

— Не реви! — строго сказал Костя и принялся собирать черепки.

Потом он отнес их в кухню и выкинул в мусорное ведро. А когда вернулся, стал снова выпиливать. А Павлику теперь даже смотреть не хотелось на лобзик. Он лег на диван, лицом к стене, и всхлипывал до тех пор, пока Костя не позвал его помогать.

Часа через два шкатулка была почти готова. Оставалось только прибить к ней крышку. Но в это время в передней раздались два коротких звонка.

— Это мама, — сказал Павлик упавшим голосом.

— Мама, — нахмурился Костя и добавил: — Я пойду открою, а ты убери шкатулку.

Костя выбежал из комнаты, а Павлик первым делом схватил полотенце и закутал им лампу. Пусть мама хоть не сразу заметит, что на ней нет абажура. Потом он на секунду задумался, куда бы лучше убрать шкатулку, но Костя и мама уже вошли в комнату.

— Что же ты! — укоризненно прошептал Костя и, заметив, что мама увидела шкатулку, торопливо сказал: — Пожалуйста, не смотри.

Это мы тебе подарок готовим к восьмому марта, он еще не доделан.

А Павлик ничего не сказал, только покосился на закутанную лампу.

— Спасибо вам, — улыбнулась мама и спросила: — Ну, а что же мне подарить вам на день рождения?

И тут Павлик, не дожидаясь Кости, выпалил:

— Подари нам абажур!

Маленькая роль

В этот день семиклассник Ваня Чугунов пришел из школы намного позднее обычного, хмурый и недовольный.

«Наверное, двойку получил», — решила Ванина сестра, первоклассница Оля.

Но Оля ошиблась. Дело было совсем не в двойке.

«...Ну и не надо, — думал Ваня. — Если так, то и совсем не надо. Завтра же скажу Виктору Семеновичу, что выступать не буду. И зачем только старался... Три дня мороженое не ел, голос берег...»

Ваня вспомнил, как недели две назад он усердно готовился к конкурсу, который был объявлен в школе для желающих заниматься в драматическом кружке. Приходя в те дни из школы, Ваня сейчас же подбегал к зеркалу и, придав своему лицу грозное выражение, кричал:

— «Над седой равниной моря ветер тучи собирает...»

Ваня не случайно выбрал стихотворение Горького «Песня о Буревестнике». Его всегда влекло к героическому. В драматическом кружке он мечтал сыграть Чацкого, а потом Жана Вальжана из «Отверженных».

В день конкурса Ваня затащил в свободный класс своего друга Федю Михеева и попросил его послушать, как он читает. Федя слушал внимательно, а когда Ваня кончил, сказал:

— У нас скоро кружок техников организуется, давай лучше туда запишемся.

— Что ж, по-твоему, в драмкружке не интересно заниматься? — возмутился Ваня и побежал в актовый зал, где уже собирались будущие артисты.

Вскоре в зал пришел и руководитель кружка, учитель литературы Виктор Семенович.

Оглядев собравшихся, он спросил:

— Ну, кто из вас самый храбрый?

Ребята молчали и переглядывались.

— Кто же все-таки храбрее всех? — повторил Виктор Семенович и почему-то остановил свой взгляд на Ване.

Ваня поежился, но встал и, выйдя на середину зала, закричал:

— «Над седой равниной моря ветер тучи собирает...»

От волнения он забыл объявить название стихотворения. По залу прокатился смешок, а потом ребята притихли и слушали со вниманием. Когда Ваня кончил, Виктор Семенович сделал ему несколько замечаний и попросил прочитать еще раз. Ваня выполнил все указания и, к великому огорчению Феди, был принят в кружок. Его даже называли способным. Но все это было уже позади. Позади было и сегодняшнее занятие, на котором Виктор Семенович читал отрывки из пьесы Островского «Свои люди — сочтемся». Некоторые сцены из этой пьесы он хотел поставить с ребятами-старшеклассниками.

— Одну из ролей сыграет Ваня Чугунов, — сказал тогда учитель. — Мне кажется, он хорошо с ней справится.

Во время чтения Ваня примерял себя то к одной, то к другой роли и, наконец, пришел к заключению, что больше всего его «актерские данные» подходят к роли Подхалюзина. Голос у Вани был сильный, черты лица, как он сам считал, волевые. Вот только рост не совсем удался. Ну, да это не беда. Во время представления можно подложить в сапоги бумаги, и все будет в порядке. Однако Виктор Семенович поручил Подхалюзина девятикласснику Борису Косторскому.

«Ладно, — мысленно согласился Ваня, — сыграю стряпчего, тоже хорошая роль».

Но и тут Ваню ожидал жестокий удар. Стряпчего тоже отдали старшекласснику.

— А Чугунов сыграет у нас Тишку, — услышал Ваня голос учителя.

— Кого? — растерянно переспросил он и помрачнел.

— Тишку, мальчика на побегушках, — повторил Виктор Семенович и, сказав, чтобы к следующей репетиции ребята переписали свои роли, окончил занятие.

Из школы Ваня шел один. Всю дорогу он ругал себя за то, что сразу не отказался от роли. И дома у него был такой сердитый вид, что сестренка не выдержала и затеребила Ваню.

— Ну, что ты все молчишь?

— А мне теперь много говорить не полагается, — усмехнулся Ваня. — Роль такую дали. В ней всего несколько слов.

— А когда на представление приходить? — обрадовалась Оля.

— Отстань, — отмахнулся от нее Ваня и сокрушенно вздохнул.

Весь вечер Ваня не знал, чем бы заняться, чтобы хоть немного отвлечься. Он попробовал помочь матери сосчитать дневные расходы, но сложил килограммы с рублями и, все перечеркнув, взялся за уроки. После уроков, которые, кстати сказать, он тоже выучил сегодня несколько хуже обычного, Ваня прямо из-за какого-то пустяка повздорил с сестренкой. В общем вечер прошел очень невесело. Да и спалось плохо. Три раза Ваня видел один и тот же сон. Будто он вышел играть Тишку, а говорит все за Подхалюзина. Приснится же такое!

На следующее утро Ваня пошел в школу рано. Он волновался: решил встретить Виктора Семеновича на улице, чтобы поговорить с ним наедине. Но когда в конце переулкa он увидел знакомую фигуру учителя, решимость вдруг оставила его. «Ведь если я откажусь от роли, — подумал Ваня, — тогда, пожалуй, Виктор Семенович меня совсем из кружка исключит. Уж лучше сыграть как-нибудь Тишку, зато в следующий раз сам попрошу хорошую роль», — решил он и, поравнявшись с учителем, поздоровался.

— А, Чугунов, здравствуй! Ты что такой невеселый? — спросил Виктор Семенович.

— Да уж очень роль мне не нравится: маленькая она. Даже играть нечего, — с горечью заговорил Ваня.

— Роль, конечно, у тебя не главная, это верно, — согласился учитель, — но там есть что играть. Как это Тишка говорит: «Эх, житье, житье! Чуть свет, ты уже полы мети. А потом по лавкам бегай. А если проштрафишься, так либо сам, либо приказчики взбучку дадут». Так ведь, кажется?

Ваня уныло покачал головой в знак согласия.

— За этими словами целая жизнь стоит, — сказал учитель. — Вот ты и попробуй показать ее. Подумай хорошенько над ролью. Ведь с такими Тишками ты встречался не раз.

— Это где же? — удивился Ваня.

— А «Ваньку Жукова» помнишь? Разве у него ничего нет общего с Тишкой?

«А ведь верно, — подумал Ваня. — Вань-

ке тоже чуть ли не каждый день выволочка была».

После уроков Ваня зашел в школьную библиотеку и перечитал «Ваньку Жукова».

«Наверное, у Тишки тоже отца с матерью не было. А то чего бы ему в услужение к чужим идти?» — подумал Ваня и, возвращая книгу, спросил:

— У вас нет еще таких же рассказов про мальчишек, которые у чужих людей жили, вроде Ваньки?

Библиотекарша дала Ване две новые книги.

— У Мамина-Сибиряка прочитай рассказ «Вертел», а у Андреева «Петька на даче». А в томике Чехова посмотри еще рассказ «Спать хочется».

— Так там про девчонку, а ему про мальчишек нужно, — заметил стоящий за Ваней мальчик.

— Ладно, прочитаю и про девчонку, — сказал Ваня, очень довольный, что нужные ему книги нашлись.

Он прочитал все три рассказа. Особенно большое впечатление произвел на него рассказ Чехова «Спать хочется».

Целый день трудилась тринадцатилетняя нянька Варька на своих хозяев. Даже по ночам не отдыхала. Все ребенка качала. А хозяева еще били ее.

Хорошо запомнился Ване и вечно голодный Прошка из рассказа Мамина-Сибиряка «Вертел». Ваня так ясно представлял себе Прошку, что ему теперь уже хотелось сыграть такого

мальчика, чтобы показать ребятам, как тяжело жилось сиротам в те времена.

Перечитывая рассказы, он каждый раз отыскивал для роли все новые и новые черточки. Первую сценку он решил начать не сразу с того, что Тишка жалуется зрителям на свою жизнь, а иначе: когда откроется занавес, Тишка будет крепко спать где-нибудь в углу комнаты. «Пусть знают, что он тоже недосыпает, как нянька Варька».

Все свободное время Ваня думал теперь о Тишке.

Дней за пять до представления он решил перестать обедать, чтобы чувствовать себя на спектакле по-настоящему голодным. Но Ване не повезло. Виктор Семенович откуда-то узнал об этом, перед репетицией накормил Ваню в школьном буфете и строго сказал:

— Роль — ролью, а обед — обедом.

— Ну чего ты так за свою роль беспокоишься? — пожал плечами присутствовавший при этом разговоре Боря Косторский, исполнитель роли Подхалюзина. — Ведь зрителей все равно только главные роли интересуют.

— Я и сам так думаю, — вздохнул Ваня. — А все-таки жалко. Ведь Тишка тоже...

Но, взглянув на самодовольно улыбающегося Бориса, Ваня вдруг расхотел говорить с ним о Тишке.

И вот настал, наконец, день спектакля. Актный зал школы, в котором драмкружковцы показывали свою постановку, был полон. Прозвенел третий звонок. В зале погас свет, и занавес раскрылся.

Зрители увидели плохо освещенную, заставленную столами и стульями комнату, которая должна была изображать контору купца Большова. В первый момент всем показалось, что на сцене никого нет. Но неожиданно с одного из стульев упала щетка, и тут все увидели, что щетку уронил спящий на стуле мальчик. Лицо мальчика улыбалось, очевидно, ему снилось что-то очень приятное. Но вот он проснулся, и сразу во всей его фигурке отразился неподдельный испуг. Он торопливо огляделся по сторонам. Убедившись, что в комнате, кроме него, никого нет, мальчик поднял щетку и только теперь, сокрушенно вздохнув, заговорил:

— Эх, житье, житье! Вот чем свет ты полы мети. А мое ли дело полы мести? У нас все не так, как у людей. У других хозяев коли уж мальчишка — так при лавке присутствует. А у нас — то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой, как угорелый. У добрых-то людей дворника держат, а у нас опять же с тебя спросится. А проштрафишься иным часом, так коли не сам, так сама задаст вытряску, а то вот приказчик Лазарь, а то и Фоми-нишна... Вот она жисть-то какая анафемская...

— Ну и ловко же у Чугуна получается, — наклонившись к соседу, прошептал Федя Михеев. — Я сначала даже не узнал его. Голос и тот изменил.

Узнать Ваню было действительно трудно. Из круглощекого и румяного он стал худощавым и бледным, из подвижного и бойкого —

пугливым и сонным. А походка? Да разве Ваня ходил когда-нибудь так смешно и вместе с тем жалко? Он даже голову как-то необыкновенно глубоко втянул в плечи, точно каждую секунду ждал, что его наградят увесистым подзатыльником.

Но вот Тишка получил от Подхалюзина распоряжение сбегать в лавочку и ушел со сцены. Зрители проводили его сочувственными взглядами.

Кроме этой маленькой сценки со словами, у Вани был еще только один выход. Тишка должен был унести со сцены кушанье, которое остается после угощения стряпчего. Ване очень хотелось сыграть что-нибудь и в этой сцене. Но что можно было сделать в выходе без слов? Как ни ломал себе Ваня голову, придумать ничего не мог. Эти мысли не оставляли его и сейчас, когда он стоял за кулисами и дожидался своего выхода. Ваня представлял себе, что это не он, Ваня, а голодный Тишка смотрит в приоткрытую дверь на стряпчего, который нехотя ковыряет вилкой в поданном ему кушанье. Ваня подумал:

«Наверное, утром Тишка зашел в кухню, надеясь получить от кухарки какую-нибудь подачку. Но кухарка была не в духе и прогнала его. А в кухне так вкусно пахло щами и пирогом с мясом».

— Был бы на месте этого стряпчего Тишка, все бы без разбора съел, — чуть слышно произнес Ваня.

И вдруг он понял, как ему надо сыграть эту сценку.

Ни секунды не раздумывая, он раньше времени вышел на сцену и, встав у дверей, словно маленький проголодавшийся зверек, уставился на жующего стряпчего.

— Хоть бы оставил что... — проговорил он одними губами.

Как только гость и хозяин ушли, Ваня, прежде чем унести посуду, схватил остатки пирога и стал поспешно глотать куски, прятать их за пазуху. Все это получилось у Вани так естественно и правдиво, что зрители, не выдержав, дружно захолопали.

Спектакль понравился всем. Зрители даже простили Подхалюзину, что он два раза забывал текст и умоляюще смотрел за кулисы.

— Он и на уроках так же отвечает, — пошутил кто-то.

После того как занавес опустился в последний раз, многие бросились за кулисы поздравлять артистов.

— А где Тишка?

— Кто Тишку играл? — интересовались ребята. — Совсем как настоящий!

Когда, наконец, зрители ушли, Виктор Семенович сказал:

— Скоро у нас в районе начнется смотр детской самодеятельности. Как вы думаете, кого мы могли бы послать на него от нашего кружка?

Боря Косторский тут же крикнул:

— Тишку пошлем! То есть Ваню.

— Верно, Ваню, Ваню Чугунова, — подхватили остальные кружковцы.

Учитель улыбнулся.

— Ну что ж, я тоже с вами согласен. Роль у Вани хотя и небольшая, но поработал он над ней хорошо. — И, посмотрев на окруживших его ребят, Виктор Семенович добавил: — Мне хочется, чтобы и все вы поняли: нет маленьких ролей, как нет и маленьких дел. Все зависит от того, как к делу относишься.

Бесстрашный пловец

Костя Бобков сидел у себя в комнате за столом и сочинял в первомайский номер отрядной стенгазеты спортивные стихи. Первый куплет был уже написан. И Костя громко прочитал его:

Ура! Пришла весна! А с ней
Спортсменам стало веселей!
Река манит к себе пловцов,
Плыть чемпион всегда готов!

Тут Костя нахмурился. Чемпион школы по плаванию Геня Новиков был его соперником:

прошлым летом он обогнал Костю перед самым финишем, и Косте совсем не хотелось хвалить его. Подумав, он решил изменить последнюю строчку. Но его рука с занесенным над бумагой карандашом вдруг остановилась в воздухе, а лицо просияло.

— А ведь еще неизвестно, кто именно готов плыть, — загадочно произнес Костя и, сорвавшись с места, побежал к физоргу Сене, который жил в квартире напротив.

У физорга Костя застал редактора отрядной стенгазеты Олега Буранова и его верного помощника Яшу Перышкина.

— Ребята, — сказал Костя, — в это воскресенье я хочу установить новый рекорд школы в заплыве на сто метров.

— Здорово! — воскликнул редактор стенгазеты Олег. — Такой материал нам очень нужен для праздничного номера газеты.

— Так ведь еще рано купаться, — перебил физорг Сеня. — Вода холодная. И потом как же без тренировок? Рекорд так не ставят.

— Ты что, мой характер не знаешь? — обиделся Костя. — Рывок — и победа!

— Конечно, — поддержал редактор Олег. — Заплыв проведем в торжественной обстановке. Предупредим ребят, назначим судью, от газеты будет фотокорреспондент. А заметку я напишу сам. Озаглавим ее... «Бесстрашный пловец»!

— Почему бесстрашный? — спросил Яша.

— А то как же? Небось ты сейчас в воду не полезешь, а Костя, видишь, сам вызвался... Потому и бесстрашный. В общем договорились.

Воскресенье подошло незаметно. За это время члены совета физкультуры привели в порядок школьную водную станцию, которая находилась на пруду за школой, подремонтировали мостки. В выходной, около двенадцати дня — время, когда должен был начаться заплыв, — у пруда собрались все приглашенные. Костя явился за несколько секунд до заплыва вместе с Яшей Перышкиным. Войдя на мостки, он быстро сбросил школьную форму и, оставшись в трусах, достал из принесенного с собой чемоданчика какой-то сверток.

— Сливочное масло, двести граммов, — пояснил Костя редактору стенгазеты. — Это для растирания. Чтобы меньше было трение в воде. Натри-ка мне, Яша, спину, — попросил он.

— Разве ты будешь плыть на спине? — удивился Яша.

— Я весь натрусь, так нужно.

Яша, не жалея масла, натер Костину спину.

— Хорошо, — сказал Костя и принялся растирать маслом грудь, руки и ноги.

— Фу, теперь тебя хоть на сковородку, — засмеялся Петя Букашкин.

Костя бросил на него уничтожающий взгляд и громко спросил:

— Судья, готов?

— Внимание! — в руках Сени сверкнул секундомер. — Как я крикну три — ныряй. Раз... Два...

— Постой! — остановил Костя. — А где же фотограф?

— Тут я, тут, — услышал он за своей спиной чей-то голос, — ныряй!

— Раз! — снова взмахнул рукой Сеня. — Два... три!

Но Костя не двинулся с места.

— Ребята, я изменю позицию ног, — сказал он, — чтоб сильнее оттолкнуться. — Переставив ноги, Костя свесил одну с мостка и попробовал воду. — Ой! Прямо ледяная... Яша, у нас осталось масло? Надо бы ноги пожирнее смазать.

— Не осталось.

— А ты со спины соскреби, — посоветовал Петя Букашкин.

Костя насупился, а редактор стенгазеты подскочил к Пете и стал оттеснять его с мостков.

— А ну, отойди на берег! Только на нервы всем действуешь своими замечаниями.

Петя попятился, но вдруг неожиданно поскользнулся и полетел в воду.

— Ой... ой... — заголосил он, барахтаясь в воде.

— Чего ты стоишь, прыгай! — затеребил Костю Яша. — Он же плавать не умеет.

— Я... я сей... час... вот я... рывок и... — засуетился Костя.

— Эх, ты... «рывок!» — процедил Яша и бросился в воду. Через минуту он вытащил Петю на берег.

— Айда ко мне сушиться! — сказал он. — Добежишь?

— Добегу... ре... рекорд по... поставлю, — стуча от холода зубами, проговорил Петя.

Все засмеялись и побежали за ними.

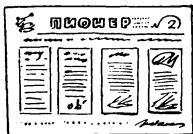
— Ребята, а как же я? — заволновался Костя. — Как же мой рекорд?

— Видели мы твой рекорд, — сердито сказал физорг Сеня и тоже побежал за ребятами.

На другой день в школе вывесили новый номер стенгазеты, посвященный Первому мая.

— Фельетон поместили! — ахнул Костя, увидев заголовок «Бесстрашный пловец».

Но Костя ошибся: это был не фельетон, а заметка о Яше Перышкине.

Трудная минута

— Ты почему вернулась? — спросила Мария Семеновна свою дочь Веру, которая совсем недавно ушла в театр и вдруг явилась обратно.

— Спектакль отменили... — сказала Вера первое, что пришло ей в голову, и, почувствовав смущение, поспешно прошла в другую комнату.

«Как не стыдно говорить неправду», — упрекнула она себя.

Переодевшись, Вера взяла с этажерки

книжку, полистала ее, но тут же положила обратно.

«Лучше бы я никуда не ходила, — с горечью подумала она и решила: — Что бы ни было, но дружить после этого с Наташей я не могу».

До сегодняшнего дня Наташа Зотова была лучшей Вериней подругой. Девочки учились вместе в седьмом классе. И хотя подружились они не сразу, но дружить стали очень крепко. Они познакомили друг друга со своими родителями, вместе готовили уроки, ходили вдвоем на каток, в библиотеку, в театр.

«Иголлка с ниткой», — так в шутку прозвали их в классе товарищи. И подружки даже немного гордились этим прозвищем.

На вечере, посвященном окончанию учебного года, Наташа, увидев Веру, торжественно сказала:

— Поздравляю тебя с переходом в восьмой класс. В субботу отмени все дела. Идем в Большой театр. Я взяла билеты на «Садко».

— На «Садко»? — обрадовалась Вера и, закружив Наташу, пропела: — «Не счесть алмазов в каменных пещерах...»

В субботу она пришла к Наташе часа за два до начала оперы.

— Вот я и готова!

— Как хорошо, что ты пришла пораньше, я уже хотела бежать к тебе, — здороваясь, сказала Наташа и нерешительно спросила: — Тебе очень хочется идти в театр?

— Кому в театр не хочется? — засмеялась Вера.

— Видишь ли, — продолжала Наташа, — вчера к моей тете приехали родственники из Кировской области, и всего на один день. Они ни разу не были в Большом театре, и неизвестно, когда снова приедут, так что...

— Так что, — догадавшись, перебила ее Вера, — отдай им наши билеты. Мы в другой раз сходим.

Наташа поблагодарила подругу, взяла билеты и отправилась к тете. Вере сразу стало нечего делать. Она прошлась по улице, читая расклеенные на щитах театральные афиши, и подумала:

«Что, если съездить к театру и узнать, когда пойдет «Садко» в следующий раз? Может быть, до отъезда в лагерь мы еще сумеем послушать эту оперу».

К театру Вера приехала перед самым началом спектакля. Она окинула взглядом пеструю толпу у театрального подъезда и вдруг поспешно отбежала в сторону, спрятавшись за колонной. К театру, оживленно болтая, шла Наташа вместе с их одноклассником Володей Найденовым. Володя был одет в свой праздничный темно-синий костюм (в нем он и на вечере в школе был), а Наташа хотя и была в том же светленьком платье, в каком Вера застала ее утром, но в руках держала новую, очень красивую китайскую сумочку.

Продолжая разговаривать, они скрылись в ярко освещенном вестибюле.

Вера вышла из-за колонны и опрометью бросилась в метро. На душе у нее было так скверно, точно это она, а не Наташа обманула

кого-то и обман был теперь обнаружен. Вера долго не могла освободиться от этого неприятного чувства.

«Да, между нами все кончено», — твердила она.

На следующий день Вера не пришла к Наташе, как девочки условились раньше. А когда Наташа позвонила ей по телефону, Вера, услышав ее голос, молча повесила трубку. Наташа позвонила снова, но Вера опять не стала ее слушать. Так повторилось несколько раз.

Немного погодя Вера ушла в магазин. Когда она вернулась, мама сказала:

— Звонила Наташа, просит тебя зайти к ней, когда освободишься. К нам, говорит, очень трудно дозвониться, наверное, что-то с телефоном случилось.

— Вряд ли я успею зайти к ней, — сказала Вера, — завтра уезжать, а у меня еще ничего не собрано.

На другой день девочки встретились уже на вокзале. Когда Вера шла по платформе, Наташа заметила ее из окна вагона и крикнула:

— Иди сюда, я тебе место заняла!

Вера не обернулась. Она прошла мимо, сделав вид, что не слышала Наташу. Села она в другой вагон.

На станции, где ребята сошли с поезда, Наташа тотчас подошла к Вере.

— Говорят, в лагере драмкружок будет. Давай запишемся?

— У меня нет способностей, — сухо ответила Вера и отвернулась.

— Ты чего дуешься? — улыбнулась Наташа.

— Если ты думаешь, что я ничего не знаю, то ошибаешься, — не выдержав, проговорила Вера.

— Что ты знаешь? — спросила Наташа.

— Не делай, пожалуйста, невинное лицо, у тебя это плохо получается, хотя ты и хочешь записаться в драмкружок, — с усмешкой сказала Вера и, не желая продолжать разговор, отошла в сторону.

Наташа обиделась.

«Пока сама не объяснит, на что сердится, больше не заговорю с ней», — решила она.

Минут через сорок ребята были уже в лагере. Распаковав рюкзаки, девочки тут же принялись наводить уют в своей комнате.

— Не забудьте цветы полить, — напомнила им старшая пионервожатая.

— А где взять воду? — спросила Вера.

— В речке, за лагерем, — ответила вожатая.

— Я за водой пойду, — вызвалась Наташа и, посмотрев на Веру, вышла за пионервожатой.

— Опять пристаёт, — поморщилась Вера и, встретив удивленный взгляд соседки, сказала: — Вместе идти хотела. А я вот не пойду. И вообще никогда не помирюсь с ней.

— А из-за чего вы поссорились? — спросила соседка.

— Так... одна неприятность вышла, — уклончиво ответила Вера и добавила: — Дружить с ней не советую, подвести может.

Девочки разговорились. Невысокого роста, с большими задумчивыми глазами, Майя Поспелова понравилась Вере. В первый же вечер Вера рассказала ей о себе все, а на следующий день Майя уже знала и о Наташином поступке с билетами.

— Ты обязательно скажи ей, что тебе все известно, — посоветовала Майя.

— Зачем? — возразила Вера. — Все равно настоящей дружбы между нами уже не будет.

— Это верно, — согласилась Майя.

В этот же день в лагере начали готовиться к открытию. Дел у всех было хоть отбавляй. Но особенно сильно были заняты драмкружковцы. Ко дню открытия лагеря они готовили большой концерт.

Вера так и не записалась в драмкружок, но Наташа и Майя решили участвовать в концерте. Майя должна была читать стихи, а Наташа выступить в отрывке из инсценировки романа «Молодая гвардия». Она должна была исполнять роль Ули Громовой. Уля была любимой героиней Наташи. Наташа несколько раз перечитала роман, чуть ли не наизусть выучила все места, где участвует Уля, но чувствовала, что та Уля — именно такая, какой она описана в романе, — у нее не получается.

Как-то после одной из репетиций Майя отыскала Веру и сказала ей:

— Мне с тобой посоветоваться надо. Понимаешь, сейчас на репетиции я читала стихи, и Наташе очень понравилось, как я читаю. Она даже попросила меня прочитать ей монолог Ули. А когда я кончила, Наташа вдруг и гово-

рит: «Тебе надо играть Улю вместо меня. У меня все равно так хорошо не получится, я только всю сцену испорчу». И как я ее ни уговаривала, она все свое твердит: «Раз у тебя лучше получается, ты и должна играть, а я уж не буду». Ну вот, как ты думаешь, что мне делать? Взять эту роль?

— Конечно, бери, раз у тебя получается лучше.

— А вдруг она просто раздумала выступать и нарочно хвалит меня, чтобы я согласилась, а? — спросила Майя.

Вера пожала плечами: дескать, кто ее знает. Может быть, и так.

В это время к девочкам подбежал Володя Найденов.

— Слышали новость? — спросил он. — Завтра идем в соседний колхоз на весь день. Поможем колхозникам на прополке, а вечером сразимся с сельскими ребятами в футбол. Пять ноль в нашу пользу — и до свидания!

Обсуждая предстоящий поход, все трое пошли ужинать.

Проснувшись на следующее утро, Вера тотчас затормошила Майю.

— Вставай! Мы же в колхоз идем. Разве забыла?

Майя откинула одеяло и стала одеваться.

— Ты что приуныла? — спросила Вера.

— Так, голова что-то болит, — ответила Майя и закашлялась.

— Ничего, разойдусь, — сказала она.

Но пришел врач и велел ей немедленно лечь в постель.

— Бронхит, — строго сказал он.

Лежать в постели из-за какого-то бронхита, когда все ребята будут работать в колхозе, когда в саду так ласково светит солнце! У Майи даже слезы навернулись на глаза.

— Не унывай, — посочувствовала ей Вера. — Денек-другой полежишь, и все будет в порядке.

А Наташа вдруг обратилась к старшей пионервожатой и попросила:

— Разрешите мне остаться с Майей. Ей веселее будет. Мы с нею будем шить костюмы для концерта.

— Оставайся, — одобрительно кивнула головой вожатая.

Вера нахмурилась. Ей стало обидно, что не она догадалась попросить разрешения остаться. Как будто они с Майей не нашли бы, чем заняться. И чтобы Наташа знала, что не одна она такая заботливая, Вера подошла к Майе, поправила одеяло и сказала:

— Лежи смирно, не вставай, а я тебе из колхоза ягод принесу.

В колхоз ушли после завтрака. Дорогой Вера опять подумала о Наташе: «Ну что это за человек? То хороший поступок сделает, а то такой, что и вспомнить не хочется».

Вера вздохнула. Ох, как бы она была довольна, если бы смогла вычеркнуть из памяти то, что произошло у них в городе.

«Как все странно получается: никогда не думала, что разочаруюсь в Наташе, и притом на всю жизнь. Конечно, простить такой поступок нельзя. Обманула свою лучшую подругу.

Да это значит, что Наташа только считалась подругой, а на самом деле никакой дружбы у нас с нею не было».

Верины мысли прервал Володя Найденков. Он запел походную туристскую. Вера посмотрела на него и подумала: «И Володька тоже хорош! Возьму вот и скажу сейчас, что видела их у театра. Интересно, что он тогда запоем?»

И, решительно подходя к Володе, Вера спросила:

— Тебе понравилась... опера, ну та, что ты с Наташей видел, «Садко», кажется...

— Очень! — восхищенно сказал Володя. — Особенно то действие, где заморские гости поют.

Услышав такой откровенный ответ, Вера даже растерялась: «Странно, почему он не смутился? Впрочем, ведь Володя может не знать, что один из билетов был сначала обещан мне. Надо выяснить».

Но Володя заговорил сам:

— И посчастливилось мне тогда!

— Это почему? — насторожилась Вера.

— Тебя дома не было. Ведь я на твой билет ходил.

— При чем здесь «дома не было», когда я сама у Наташи была.

— Это сначала. А потом у нее родственники отказались в театр идти, и она опять за тобой бегала. А меня предупредила, чтобы я на всякий случай переоделся.

Вера молча закусил губу, почувствовав, как запыхали у нее щеки. Чтоб отстать от Володи, она замедлила шаги.

«Что же я наделала? — в ужасе думала она. — Выходит, Наташа ни в чем не виновата, а виновата я... Как я могла поступить так опрометчиво? Сколько времени знала Наташу... И вдруг так вот, ни в чем не разобравшись, сразу оттолкнула подругу. И не только оттолкнула, но и наговорила на нее неправду... Что же теперь делать? Вернусь в лагерь, сейчас же извинюсь перед нею и все-все расскажу девочкам», — решила Вера.

Весь день: и на прополке капусты, и во время футбольного матча, и по дороге в лагерь — Вера думала о той минуте, когда она сбросит с себя этот невидимый, но давящий ее груз.

И вот, наконец, она в лагере. Вера присела на скамейку и еще раз обдумала все, что скажет Наташе. Ох, как это трудно!

Она поднялась и медленно направилась в спальню. Наташа, наверно, там. Но на крыльце Вера задержалась снова.

«А может быть, и не надо затевать этот разговор? — мелькнула у нее в голове спасительная мысль. — Ведь Наташа ничего не знает, значит, я с ней и так могу помириться, без извинения. Разговорюсь как-нибудь, вот и все. А девочки, наверное, уже забыли, что я им рассказывала».

Вера взвесила эти два, как ей показалось, убедительных довода и решила промолчать. Но на вечерней линейке ее новый план рухнул.

Отпуская ребят спать, старшая пионервожатая сказала:

— Завтра у нас будут выборы председате-

лей советов отрядов. Подумайте, кого вы хотите избрать.

«Наташу, — подумала Вера, но тут же осеклась. — Как же она предложит выбрать Наташу, когда сама отговаривала дружить с ней? А те девочки, которые все еще думают, что Наташа может поступить нечестно, разве они будут голосовать за нее?!»

Нет, теперь уже нельзя было не сознаваться. Вера еще раз прошла по саду, вздохнула и решительно направилась в спальню. Войдя, она присела на кровать, взглянула на подруг, обступивших Наташу и Майю, и подумала:

«Подожду немного. Наговорятся, лягут спать, я и скажу».

И вот горнист проиграл отбой, и уставшие за день подруги одна за другой умолкли. Стенные часы пробили десять раз. В спальне наступила тишина.

«Пора, а то будет поздно, уснут», — сказала себе Вера и повернулась к соседке. Но когда та посмотрела на нее, Вера уткнулась в подушку.

«Что же я не говорю? Говори же! — лихорадочно убеждала себя Вера. — Всего несколько слов, и все будет хорошо».

Но как, оказывается, трудно иногда произнести эти несколько слов, признать себя виновной.

Вера почувствовала, что решимость покидает ее окончательно.

«Теперь я уже ничего не скажу, — растерянно думала она, — сразу не сказала, а теперь ни за что... да и спят уже все...»

И чтобы убедить себя в том, что все уже действительно спят, Вера еле слышно спросила:

— Девочки, вы спите?

— Нет еще, не спим, — раздалось из разных концов комнаты.

— Не спите? — испуганно переспросила Вера и услышала, как застучало у нее сердце.

— Что тебе? — спросил кто-то сонным голосом.

«Уснут, сейчас уснут», — заволновалась Вера и умоляюще попросила:

— Девочки, не спите, пожалуйста, не спите. Мне надо сказать вам очень важное...

— Ну, говори! — нетерпеливо сказала Майя.

Вера перевела дыхание и, словно прыгнув в ледяную воду, проговорила:

— Помните, я вам про Наташу говорила, как она обманула меня? Так все это неправда... Это я сама ошиблась, не разобралась, в чем дело, и наговорила на нее...

Вера замолчала и, перевернув подушку, прислонилась к ней горячей щекой. Взгляд ее упал на освещенный лунным светом часовой циферблат.

«Одна минута одиннадцатого, — машинально подумала Вера и удивилась: — Неужели прошла только одна минута? Какая же она была... трудная».

СОДЕРЖАНИЕ

Экспедиция номер три	3
Билет	17
Осторожно, окрашено!	22
Особый подход	33
Как Володя поднимал свой авторитет	45
Его товарищ	51
Сломанный стул	58
Петины каникулы	61
Пять дней	74
Стрижка	79
Предложение Андрюши Хохолкова	83
Опытный тренер	88
Наш спектакль	92
К. М. Я.	104
Абазур	109
Маленькая роль	115
Бесстрашный пловец	126
Трудная минута	131

Ермолаев Юрий Иванович

РАССКАЗЫ

Для среднего школьного возраста

Редактор *Л. Хотилова*
Худож. редактор *В. Плешко*
Техн. редактор *В. Воынцева*

А03506. Подп к печ. 18/III 1960 г.
Бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,5(6,38).
Уч.-изд. л. 5. Тираж 90 000 экз.
Заказ 221. Цена 1 р. 50 к.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Суцеская, 21.

